

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

БОЛЕЕ 400 000
ПРОДАННЫХ
ЭКЗЕМПЛЯРОВ

ПРЕМИЯ
BANCARELLA
2017 ГОДА

ИСТОРИИ,
СОТКАННЫЕ ИЗ ЛЮБВИ,
ЗАГОВОРОВ
И ПРЕДАТЕЛЬСТВ

МАТТЕО СТРУКУА
МЕДИЧИ
КОРОЛЕВЫ ФРАНЦИИ

18+

The Big Book. Исторический роман

Маттео Струкул

Медичи. Королевы Франции

«Азбука»

2017

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

Струкул М.

Медичи. Королевы Франции / М. Струкул — «Азбука»,
2017 — (The Big Book. Исторический роман)

ISBN 978-5-389-34632-1

Эпопея семьи Медичи, оставившей неизгладимый след в истории Европы эпохи Ренессанса. Блистательные потомки честолюбивой династии банкиров – две великие итальянские королевы Франции – вершат судьбы государства в самые драматичные периоды его истории. Книга 3. Неистовая Екатерина. Франция, 1536 год. Положение Екатерины Медичи, бездетной супруги наследника престола Генриха, становится шатким после убийства его брата, дофина Франциска Валуа. Только Франциск I, действующий король Франции, верит в ее невиновность. Екатерина, уверенная, что сможет стать матерью только при помощи Нострадамуса – астролога и провидца, вызывающего ужас у народа и знати, – отправляет на его поиски капитана армии Раймона де Полиньяка. И среди придворных интриг, предательств, унижений и притеснений Екатерина терпеливо ждет момента, когда сможет подарить жизнь своему первому ребенку. После смерти Франциска I Екатерина, теперь уже королева, не колеблясь идет на опасные союзы, чему способствуют пророчества Нострадамуса, и про воцаряет конфликты между католиками и гугенотами. Им суждено будет достичь кульминации в трагическую Варфоломеевскую ночь, когда улицы столицы обагряются кровью протестантов, а Екатерина, ставшая регентом Франции после смерти Генриха II, потеряет все, что когда-либо любила... Книга 4. Последняя глава. Париж, 1601 год. Столица Франции XVII века – средоточие порока и насилия. Мария Медичи, ставшая женой Генриха IV Бурбона, сталкивается с кознями его фаворитки. Параллельно зреет зловещий заговор вельмож, вознамерившихся свергнуть Генриха с престола. Чувствуя, что положение становится критическим, Мария решает положить ся на Матье Лафоржа, шпиона и убийцу, и достигает временного успеха. Когда Генрих IV все же гибнет от руки заговорщиков, Мария становится регентом при сыне Людовике. Править ей крайне сложно: народ и знать терпят королеву-мать с трудом – ведь она иностранка и

родственница Черной королевы Екатерины! Стремясь выпутаться из тенет заговоров, Мария заключает союз с грозным Ришелье. Но кардинал жаждет безграничной власти и с легкостью предает королеву-мать. Приходит конец дням ее славы и могущества. И только дружба с маэстро Рубенсом скрашивает старость Марии и закат династии Медичи. Проза Маттео Струкула – стремительная, наэлектризованная – снискала непреходящий успех не только в Италии, но и во всем мире.

УДК 821.131.1

ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-389-34632-1

© Струкул М., 2017

© Азбука, 2017

Содержание

От автора	7
Книга 3. Неистовая Екатерина[1]	11
Июнь 1525	11
Пролог	11
Август 1536	14
1. Дофин	14
2. Граф Монтекукколи	16
3. Смятение короля	19
4. Письма говорят сами за себя	22
5. Серебряный колокольчик	24
6. Нострадамус	26
7. Разговор с Генрихом	29
Октябрь 1536	32
8. На площади Лиона	32
9. В поисках астролога	34
Январь 1538	37
10. Кошмар и испуг	37
11. Эдикту быть	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Маттео Струкул

Медичи. Королевы Франции

Matteo Strukul

MEDICI III: UNA REGINA AL POTERE

Copyright © Newton Compton editori s.r.l., 2017

MEDICI IV: DECADENZA DI UNA FAMIGLIA

Copyright © Newton Compton editori s.r.l., 2017

Печатается с разрешения автора и литературного агентства BAROR INTERNATIONAL, INC., Armonk, New York, U.S.A.

Издательство выражает благодарность литературному агентству Nova Littera за содействие в приобретении прав.

© Н. В. Орсаг, перевод, 2026

© Е. В. Пантелеева, перевод, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

От автора

Вот мы и подошли к финалу. Более тысячи шестисот страниц посвящены династии Медичи. Первые две книги серии представляют собой мужскую флорентийскую дилогию, а третья и четвертая – «Неистовая Екатерина» и «Последняя глава» – женскую французскую. И как вы наверняка заметите, роман «Последняя глава» это своего рода идеальное завершение тетралогии.

Обе книги потребовали от меня как автора сосредоточенности, исследовательского зуда и полета фантазии.

Признаюсь, что Екатерина Медичи, возможно, наиболее сложный исторический персонаж из всех, с которыми мне пришлось столкнуться при написании тетралогии. Сложнее Козимо и Лоренцо. Я люблю женские образы, и мне захотелось потягаться с персонажем в дорогой огранке, полным противоречий, грехов и достоинств.

У Екатерины зловещая слава и жуткое прозвище Черная королева. Ее называли проклятой королевой, отравительницей, приспешницей зла, проросшего в ее душе и приведшего в конце концов к Варфоломеевской ночи.

В реальности Екатерина была женщиной огромного терпения, редкой воли и прагматизма, но притом королевой-иностранкой на французском троне: ей так и не простили, что она итальянка, уроженка Флоренции, да еще и Медичи.

Однако же благодаря культурной составляющей и, что греха таить, генам, унаследованным от именитых предков, ей удалось выстоять и править Францией в один из наиболее смутных и ужасных периодов истории этой страны.

От этого я и отталкивался, принимаясь за повествование о Екатерине Медичи – личности сильной, но чрезвычайно противоречивой.

Она бесконечно терпелива в отношениях с Дианой, фавориткой своего мужа – дофина, а потом и правящего короля, и готова сносить любого рода унижения, однако же всегда во всеоружии, едва появляется возможность воздать той за причиненное зло. Екатерине, отчаянно влюбленной в своего супруга Генриха, пеняли за ее не слишком привлекательную по тем временам внешность (как и за происхождение), однако она сумела компенсировать нехватку красоты умом, остроумием, духовностью, эрудицией, культурой, вкусом. Именно поэтому она являлась женщиной и королевой необыкновенного обаяния.

Способнейший политик, терпеливая как камень, готовая молча сносить невероятно жестокую несправедливость, еще в молодости осознававшая, что спустя годы сможет отыграться на своих врагах, Екатерина была невероятной: родила десятерых детей и управляла Францией почти тридцать лет в период, когда бушевали Религиозные войны.

Для работы над созданием ее образа мне пришлось провести глубокое исследование. Я опирался на серьезные литературные биографии Екатерины. Среди них: Оноре де Бальзак «О Екатерине Медичи» (*Honoré de Balzac, Studi filosofici: Caterina de' Medici, Milano 1929*); Жан Орьё «Екатерина Медичи – итальянка на французском троне» (*Jean Orieux, Caterina de' Medici, un'italiana sul trono di Francia, Milano 1994*); Орсола Неми и Генри Фёрст «Екатерина Медичи» (*Orsola Nemi e Henry Furst, Caterina de' Medici, Milano 1994*); Иван Клулас «Екатерина Медичи» (*Ivan Cloulas, Caterina de' Medici, Firenze 1980*); Марк Страдж «Женщины во власти: жизнь и время Екатерины Медичи» (*Mark Strage, Women of Power: The Life and Time of Catherine de' Medici, New York e Londra 1976*); Марчелло Ваннуччи «Екатерина и Мария Медичи. Королевы Франции» (*Marcello Vannucci, Caterina e Maria de' Medici. Regine di Francia, Roma 1989*).

Другой, не менее важный герой этого романа – Мишель де Нотрдам. Я был так очарован образом человека, которому выдающийся итальянский писатель-романист Валерио Эванджелисти посвятил замечательную трилогию «Маг» (*Magus. Il romanzo di Nostradamus*), что позво-

лил себе отклониться от исторической канвы, поскольку в действительности, помимо Нострадамуса, придворным астрологом Екатерины Медици являлся Козимо Руджери. Я же позволил вымыслу унести себя и сделал де Нотрдама единственным.

Естественно, эпизоды, связанные с пророчествами или так называемыми сеансами с Екатериной, – игра моего воображения, притом что почти все эти встречи происходили на самом деле, хотя в паре случаев я придумал некоторые изменения в соответствии с требованиями драматургии.

Посвященных Нострадамусу произведений создано с избытком, я назову лишь некоторые: Джузеппе И. Лантос «Нострадамус. Жизнь и тайны последнего пророка» (*Giuseppe I. Lantos, Nostradamus. Vita e misteri dell'ultimo profeta, Milano 2014*); Дэвид Овазон «Секреты Нострадамуса. Революционное прочтение пророчеств» (*David Ovason, I segreti di Nostradamus. Una rivoluzionaria lettura delle profezie, Milano 1998*); Ли Макканн «Нострадамус. Жизнь и пророчества человека, распознавшего будущее» (*Lee McCann, Nostradamus. Vita e profezie dell'uomo che svelò il futuro, Milano 1988*); Ренуччо Босколо «Центурии и предсказания Нострадамуса» (*Renuccio Boscolo, Centurie e presagi di Nostradamus, Padova 1972*).

Признаюсь, что, работая над «Неистойой Екатериной», я отчасти находился под влиянием шедевров Александра Дюма, особенно «Трилогии о Валуа», которую перечитывал. В каком-то смысле я, напившись эмоциями после перепрочтений произведений Теофиля Готье и Виктора Гюго, а также с учетом полезного влияния немецкой литературы, думаю, в особенности «Михаэля Кольхааса» Генриха фон Клейста и «Разбойников» Фридриха Шиллера, придерживался жанра бульварного исторического романа при написании этого моего труда.

Чтобы понять причины и следствия Религиозных войн, что раздирали Европу в XVI веке, я внимательно изучил пробуждающие эмоции страницы Коррадо Виванти «Религиозные войны в шестнадцатом столетии» (*Corrado Vivanti, Le guerre di religione nel Cinquecento, Bari 2007*) и Проспера Мериме «Варфоломеевская ночь» (*di Prosper Mérimée, La notte di San Bartolomeo, Milano 1975*).

Описывая картины расправ и сражений, я опирался на исторические хроники, а также на непреложных классиков: Джакомо ди Грасси «Зачем нужно оружие для защиты и для нападения...» (*Giacomo di Grassi, Ragione di adoprare sicuramente l'Arme sì da offesa, come da difesa; con un Trattato dell'inganno, et con un modo di esercitarsi da se stesso, per acquistare forza, giudizio, et prestezza, Venezia 1570*) и Франческо ди Сандро Альтони «Трактат об искусстве фехтования» (*Francesco di Sandro Altoni, Monomachia – Trattato dell'arte di scherma, a cura di Alessandro Battistini, Marco Rubboli, Iacopo Venni, San Marino 2007*).

Книга, посвященная Марии Медици, тоже оказалась непростой работой. С одной стороны, требовалось включить в повествование немало важных исторических фактов, а с другой – четвертой книге досталась сложная задача: закрыть объемную тетралогия, посвященную династии Медици. Роман получился длиннее других, что подтверждает, насколько богатой на приключения была жизнь Марии.

Хочу сразу подчеркнуть, что многие события не плод моей фантазии – они произошли на самом деле: происшествие с каретой, побег из замка Блуа, крепкая дружба с Питером Паулем Рубенсом, двойное изгнание, война против Ришелье.

Мария была красивой и несчастной женщиной, способной, как, пожалуй, никто до нее, воплотить в себе королевское величие. В ее случае флорентийское происхождение тоже вовсе не являлось преимуществом. Более того, ее принадлежность к роду Медици шокировала французов: ненависть к Екатерине, Черной королеве, которая всего за пару десятилетий до приезда Марии правила Францией, еще не забылась.

Безусловно, чтобы воссоздать на бумаге такую сложную личность, я вновь погрузился в исследования. Хочу привести здесь четыре биографических труда, которые помогли мне добиться ясности во многих вопросах. Я имею в виду следующие книги: Мария Луиза Мари-

отти Мази «Мария Медичи» (*Maria Luisa Mariotti Masi, Maria de' Medici, Milano 1993*); Стефано Табакки «Мария Медичи» (*Stefano Tabacchi, Maria de' Medici, Roma 2012*); Марчелло Вануччи «Екатерина и Мария Медичи. Королевы Франции» (*Marcello Vannucci, Caterina e Maria de' Medici. Regine di Francia, Roma 1989*); Андре Кастело «Мария Медичи. Итальянка при французском дворе» (*André Castelot, Maria de' Medici, un'italiana alla corte di Francia, Milano 1996*).

Другой важный персонаж этого романа – Арман Жан дю Плесси де Ришелье – фигура, прямо скажем, ключевая не только из-за своей объективной исторической значимости, но и потому, что он – один из литературных героев Александра Дюма, которые сильнее всего поразили мое воображение сначала в детстве, а потом и в зрелые лета. Мысль взяться за фигуру такого масштаба приводила меня в ужас, так что я сначала перечитал «Трех мушкетеров», а затем внимательно изучил роман «Красный сфинкс» – шедевр французского классика, посвященный Ришелье.

Безусловно, пришлось порыться и в исторических трудах, чтобы собрать максимум информации об этом выдающемся политике. Среди множества прочитанных работ хочу выделить как минимум следующие: Арман Жан дю Плесси де Ришелье «Политическое завещание. Принципы управления государством» (*Armand Jean du Plessis de Richelieu, Testamento politico. Massime di Stato, Torino 2016*); Карл Буркхардт «Ришелье» (*Carl Burckhardt, Richelieu, Milano 1983*); Хилэр Беллок «Ришелье» (*Hilaire Belloc, Richelieu, Milano 1974*); Марио Сильвани «Ришелье: кардинал, заставлявший дрожать папу римского» (*Mario Silvani, Richelieu, il cardinale che faceva tremare il papa, Milano 1967*); Мануэла Дони Гарфаньини «Идея Европы в „Жизнях“ Ришелье. Биография и история в шестнадцатом веке» (*Manuela Doni Garfagnini, L'idea di Europa nelle «Vite» di Richelieu. Biografia e storia nel Seicento, Firenze 2016*).

Впрочем, не только биографии и исследования стали для меня предметом изучения и анализа, но и полотна Рубенса – начиная с цикла, посвященного Марии Медичи, – а также работы других фламандских и французских художников. Среди последних хочу выделить Анри-Поля Мотта, автора потрясающей картины «Кардинал Ришелье во время осады Ла-Рошели».

Как и прежде, образцами для подражания послужили мне известные романы-фельетоны, из которых первым приходит на ум «Собор Парижской Богоматери» Виктора Гюго, уже упомянутый «Красный сфинкс» Александра Дюма, а также шедевры итальянской литературы, например «Беати Паоли» Луиджи Натоли, или немецкой, в первую очередь «Михаэль Кольхаас» Генриха фон Клейста.

При описании дуэлей и битв мне в очередной раз пригодились руководства по историческому фехтованию, так что я снова приведу мои любимые: Джакомо ди Грасси «Причины победоносного использования оружия для атаки и обороны» (*Giacomo di Grassi, Ragione di adoprare sicuramente l'arme si da offesa, come da difesa ma, Con un Trattato dell'inganno, et con un modo di esercitarsi da se stesso, per acquistare forza, giudizio, et prestezza, Venezia 1570*) и Франческо ди Сандро Алтони (под ред. Алессандро Баттистини, Марко Рубболи, Якопо Венни) «Дуэль. Трактат об искусстве фехтования» (*Francesco di Sandro Altoni (a cura di Alessandro Battistini, Marco Rubboli, Iacopo Venni), Monomachia. Trattato dell'arte di scherma, San Marino 2007*).

Путешествия – хлеб автора исторических романов. Замки Луары, Париж, сельские пейзажи Франции – за все эти места и за многоплановую информацию о столице Франции я благодарю близкого друга Джамбаттисту Негрина, моего французского герцога.

Повествование в обоих романах я выстраивал, придерживаясь идеи деления его на отдельные знаковые эпизоды, чтобы и не терять последовательности, и не увеличивать объем книги до запредельного. И этот метод оказался очень эффективен для описания жизни обеих королев. Я не раз задавался вопросом, правильно ли поступил, изначально выбрав такую форму, но каждый раз отвечал утвердительно, ведь только так мне удавалось представить чита-

телям полноценный обзор, дающий понимание того, как велико было культурное и политическое влияние династии Медичи не только на Италию, но и на всю Европу.

Книга 3. Неистовая Екатерина¹

Сильвиш

Июнь 1525

Пролог

Санта-Мария дель Фьоре возвышалась над городом. Казалось, собор бросал вызов небу. Катерина маленькими шажками приближалась к этому великолепному строению. Тетя опасалась, что такая громада испугает малышку, но та совсем не боялась. Задрала головку и огромными глазами смотрела на красный купол, словно пытаясь посчитать его размеры.

– Тетя, а какая у него высота? – спросила девочка, замороженно глядя на шедевр Филиппо Брунеллески.

Клариче удивленно посмотрела на нее:

– От основания фонаря² до макушки купола более двухсот локтей.

Девочка от удивления приоткрыла рот.

– Так много?

Тетя кивнула в ответ.

Солнце сверкало на небе. Собор будто притягивал его лучи, приумножая собственное могущество; купол казался облаком золотой пыли.

Катерина все не унималась. Она обожала задавать вопросы. «Спрашивать – вещь нехитрая. Отвечать, однако, – это совсем другая история», – думалось ей. Разумеется, она многого не знала, и взрослые охотно давали ей пояснения. Ну раз так, малышка этим пользовалась и выпытывала у них все, что хотела.

– А кто его построил?

– Один очень большой мастер.

– Как его звали?

– Филиппо Брунеллески. Он был самый умелый и незаурядный архитектор, которого знает история. Хотя, в общем-то, он был и не архитектор, а ювелир. Но именно ему удалось придумать, как создать купол.

¹ Перевод Натальи Орсаг.

² Небольшая башенка, венчающая купол или крышу храма, предназначенная для естественного освещения внутреннего пространства и вентиляции. – *Здесь и далее примеч. перев.*

– Что ты такое говоришь? – Катерина не удержалась, чтобы не улыбнуться. Ведь она снова задала вопрос. Обожала эту игру в вопросы.

– Собор более ста лет стоял без купола, вот так – совсем без крыши...

– А потом что случилось? – Девочка теребила тетю, потому что вся эта история уже заинтересовала ее больше, чем любая другая.

– Комитет по строительству собора, обладавший полномочиями выбирать проект будущего купола, принял к рассмотрению два великолепных макета: один – созданный Лоренцо Гиберти, и другой – Филиппо Брунеллески. Первого поддерживали Строцци, а второго – Медичи, к которым принадлежу и я.

– И я, разве нет? – спросила Катерина. Она была уверена в этом, но ей нравилось, когда взрослые подчеркивали ее принадлежность к семье.

Тетя кивнула:

– Конечно и ты.

– Но расскажешь уже, чем все закончилось?

– В итоге победили оба – Гиберти и Брунеллески. Поэтому комитет решил поручить им обоим руководство строительством купола. Но именно идеи Филиппо оказались более смелыми и успешными.

– И что потом случилось? – не унималась девочка.

– После того как они вместе бок о бок работали несколько лет, великий и сумасбродный золотых дел мастер вдруг сказался больным и надумал больше не являться на объект. А ведь все технические находки, касавшиеся возведения огромного, почти в сто локтей, купола и пролета были его.

– Это правда?

– Что?

– Что он заболел?

Клариче рассмеялась:

– Да ты смышленная!

– Правда? – спросила маленькая Катерина, с невинным лукавством подняв бровку, чем еще больше насмешила тетю.

– Да.

– Так, значит, он на самом деле не заболел? – не сдавалась девочка.

– Естественно, нет. Как ты уже догадалась, Филиппо рассчитывал, что таким образом Лоренцо проявит свою полную несостоятельность. Он не выходил на стройку до тех пор, пока представители комитета не наведались к нему домой, потому что работы не двигались в нужном русле. Когда члены самых уважаемых городских фамилий обратились к Брунеллески с просьбой вернуться к постройке, он выдвинул требование – будет руководить всем один.

– И добился своего?

– А как ты думаешь?

Катерина не сомневалась:

– Конечно. Ведь его выбрали Медичи.

Клариче приоткрыла рот от удивления.

– Да ты прониклась духом семьи! – выдохнула она.

– Все благодаря тебе, тетя.

– Правда так думаешь?

– Ну конечно да.

– Хорошо, согласна. А сейчас, когда ты уже знаешь, кто и как построил купол, не пора ли нам вернуться домой? Если я не ошибаюсь, тебе нужно заниматься латынью.

– Ой-ой-ой!

– Смелее! А как ты собираешься стать настоящей Медичи, если не будешь учиться?

– Да хорошо-хорошо, – ответила Катерина, вскидывая ручки и мимикой подражая дяде в те моменты, когда тот уступал супруге, понимая, что не в состоянии никоим образом переубедить ее. – Но пока можно еще останемся ненадолго и посмотрим чуть-чуть на купол?

– Ладно, – ответила Клариче, поглаживая девочку по головке.

Посмотрела высоко вверх и сама долго не могла отвести взгляд, заворожено любуясь огромным куполом Санта-Мария дель Фьоре.

Он действительно был великолепен.

Август 1536

1. Дофин

Он закричал, когда горло словно опалило пламенем.

Поднес обе руки к груди, которую разрывала на части сильнейшая боль: огонь растекался по нутру и жег, казалось, саму его душу. Не удержал бокал с кристально чистой водой – тот упал и тут же разлетелся на куски.

И вот теперь Франциск сидел, склонив набок голову, с остекленевшим взглядом. Бледные руки, уже безжизненные, свешивались с подлокотников кресла, тонкие пальцы остыли. Лицо – ледяная маска: все еще красивое, но его уже сковала мука, имеющая одно-единственное определение.

Он не мог ответить на крики, взывавшие к нему.

Он умер.

Кто-то барабанил в дверь. Это был отряд военных – они пытались взломать ее. Раздавались глухие удары. После очередного усиленного напора воинам наконец-то удалось попасть внутрь.

Монсеньор Раймонд де Полиньяк, капитан Четвертой роты французских пикинеров³, ворвался в комнату дофина, за ним следом солдаты и пара служанок. Когда он увидел беспомощного Франциска в кресле уже без признаков жизни, выпустил из рук на пол широкополую шляпу с белоснежным пером.

– Ваше высочество... – пробормотал надломленным голосом де Полиньяк.

Какая-то служанка вскрикнула. Он подал знак одному из пикинеров, и тот тут же вывел обеих женщин из комнаты дофина.

Раймонд посмотрел на ничем не примечательное, обитое синим бархатом кресло и задумался о своем короле, потерявшем сейчас любимого сына. Покачал головой. Приблизился к Франциску и осторожно прикрыл ему веки. Затем поднял с пола шляпу с пером и приложил ее к груди.

Вздохнул.

Посмотрел на проникающий сквозь парчовые занавески позолоченный солнечный свет. Их только что прикрыли. В комнате уже чувствовалось дыхание смерти.

Война добралась и до этих мест. Карл V Габсбург вошел со своим войском в Прованс, и его отряды растянулись аж до Турнон-сюр-Рон. Однако теперь благодаря на редкость влажному лету, наводненному комарьем, когда постоянно потные от жары солдаты его войска слабели, становясь вялыми и больными, Карл начинал задумываться, а не вернуться ли в Савойю. Но не только лето было всему виной. Франциск I, король Франции, превратил собственное королевство в пепелище. Поля выжжены, колодцы отравлены. Деревни опустели, и ничего больше не росло на земле. Правитель сам уничтожил собственные угодья с единственной целью – смертью встретить войско императора Священной Римской империи и Испании Карла V.

– Обождите несколько минут. Я напишу королю. Передадите мою депешу лично в руки его величеству, он с лагерем сейчас в Лионе, – приказал Полиньяк гвардейцам, что были с ним. – Я объясню нашему королю, что произошло. Вы же пока зовите лекарей и хирургов. Видимо, придется мне допросить их, чтобы выяснить причины смерти. Никто не должен узнать о случившемся до моего особого распоряжения. Тяжелые дни ожидают Францию.

³ Пикинёры – вид пехоты в европейских армиях XIV – начала XVIII века, основным оружием которых была пика.

Монсеньор де Полиньяк, пока говорил все это, времени не терял. Он уселся за письменный стол и уже набросал несколько строк красивым правильным почерком. Сложил листки в конверт и запечатал его собственной печатью, пламенем свечи растопив сургуч.

Пикинеры вышли, один направился на конюшню, чтобы послать гонца с депешей в Лион, а монсеньор де Полиньяк остался присматривать за умершим.

Положил ладонь на лицо дофина. Склонил взор в знак сострадания к бедному юноше. Но капитан ни булавки не сдвинет до прихода медиков. Комната должна остаться нетронутой – точно такой, как была до его внезапного вторжения.

Полиньяк не представлял, что могло спровоцировать подобную трагедию, но уж точно не ему препятствовать в установлении ее истинных причин.

Неподвижный стоял он посреди комнаты, мысленно погружаясь в море вопросов без ответов: естественная ли была эта смерть? А если нет, кто желал убить дофина? И с какой целью? Хорошо подумав, оставалось только выбрать виновного.

Вздыхнул, оправил бархатный пурпуэн⁴, и в этот момент блики восходящего солнца блеснули на висевшей у него на поясе шпаге. Он прошелся слегка туда-сюда по комнате, каблуками сапог будто отстукивая ритм ожидания. Стянув левую перчатку с руки и, держа ее в правой, принялся похлопывать ею по ладони. Так продолжалось ровно до тех пор, пока в дверях комнаты не возник монсеньор Гийом Мобер – личный хирург дофина.

Полиньяк растерянно взглянул на лекаря. Лишь красивые глаза капитана отражали всю горечь случившегося.

Он пригладил усы указательным пальцем правой руки, с любопытством осматривая вошедшего невысокого человечка с озорным взглядом. Заметил, как изменился тот в лице, когда понял, что произошло. Пышущие здоровьем щеки, взъерошенные волосы, маленькие подвижные глазки лекаря ввели бы в заблуждение даже более внимательного наблюдателя, заставив поверить, что человек этот совсем не знаток своего дела, но Раймонд обладал проницательностью и видел: за ширмой внешней простоты скрывается блестящий ум.

– Монсеньор Мобер, – произнес он, – не буду тратить времени на пустые разговоры. Благодарю за то, что так быстро откликнулись. Обстоятельств, вынудивших нас встретиться, горше не придумаешь. Попрошу вас не торопиться... Сколько бы вам ни потребовалось времени, но установите наиточнейшим образом причины кончины дофина!

– Короля оповестили? – спросил еле слышно хирург.

– Я уже беспокоился отправить депешу в Лион.

– Прекрасно. Тогда приступим.

– Излишне говорить вам, что все должно храниться в строжайшей тайне, по крайней мере, пока не пойдем наверняка и не исключим любые сомнения, от чего скончался Франциск.

– Разумеется.

* * *

Легкий прохладный ветер дул в лицо. В этот влажный и жаркий август ранняя утренняя прогулка верхом была в радость для Екатерины, и она не желала от нее отказываться. Давид – любимый чалый мерин – неся стрелой по зеленым, блестящим от росы полям.

Она назвала жеребца в честь статуи Давида Донателло в знак почитания таланта скульптора, таким своеобразным способом подчеркивая принадлежность к роду Медици и демонстрируя лишний раз, что она из Флоренции. Происхождение, которым Екатерина гордилась, несмотря на то что многие при дворе именно поэтому упорно именовали ее итальянской торговкой.

⁴ Жилет, обычно до бедра, с поясом, на котором висели шпага и кинжал.

Делали это с презрением, невзирая на статус жены Генриха Валуа, а значит, герцогини Орлеанской и принцессы Франции.

Но Екатерине было все равно: она знала, что ее ненавидят и в то же время побаиваются при дворе. Даже на конные прогулки верхом, во время которых она мчалась, словно амазонка, фрейлины из королевского окружения, начиная с любовницы короля мадам д'Этамп, смотрели с подозрением.

Красавица-герцогиня не скрывала презрения к молодой итальянке, сдерживаемая только тем, что государь относился к Екатерине с восторгом и восхищением с первого дня их знакомства. И по большей части как раз положительно оценивая предприимчивость пришедшей принцессы.

Екатерина улыбнулась. Какой же прелестный утренний свет! Колючий ветерок все сильнее насыщал воздух множеством терпких ароматов, создавая из них нежный и немного бодрящий букет. Острее всего чувствовались эвкалипт и дикая лаванда. Екатерина глубоко вздохнула, радуясь выдавшимся минутам одиночества и единения с чарующей красотой природы.

Впереди виднелись виноградники, строем щетинившиеся на мягких склонах, и воды колыхающейся серебряной лентой Роны – блестящие под прозрачным нежно-голубым светом уже проснувшегося мерцающего неба.

Какой же красивый ландшафт! Тут и там проглядывают красные крыши усадеб и величественные оливы, приумножающие средиземноморское очарование земель Миди⁵.

Солнце взошло быстро. Теперь Екатерине придется либо вернуться в большие залы замка, либо искать спасения от жары в тенистой прохладе природы.

Она мечтала выпить поскорее бокал ледяной воды.

2. Граф Монтекукколи

После всех проведенных проверок монсеньор Гийом Мобер предположил, что смерть дофина вполне могла быть естественной. Однако, само собой разумеется, не исключено, и этот факт никак нельзя проигнорировать, что причиной, вызвавшей кончину наследника престола, являлось нечто иное, в том числе даже отравление.

Услышав подобные слова, капитан Раймонд де Полиньяк сразу забеспокоился, как сохранить все в глубочайшем секрете, и, не теряя времени, принялся за собственное расследование, стараясь провести его быстро, но без суеты. Вероятно, все бы разрешилось довольно быстро, но он предпочитал не действовать с бухты-барахты.

Слухи не успели расползтись, в том числе и благодаря тому, что личному хирургу дофина требовалось время для сбора неопровержимых, подтверждающих подозрения доказательств.

Король, вероятно, уже получил депешу и направлялся в Турнон.

И вот именно теперь капитан разузнал, что накануне днем Франциск совершенно необдуманно и безрассудно напился ледяной воды. От жары у наследника разболелась голова, и он решил, что, вдоволь утолив жажду, таким образом хоть слегка улучшит самочувствие.

По крайней мере, такие подробности сообщил капитану Гаске – один из пажей дофина. Он также добавил, что хозяину подсказал столь неблагоприятно поступить кое-кто из его секретарей, а именно Себастьяно де Монтекукколи, граф Модены.

Гаске разоткровенничался и далее поведал, что дофин, ожидая в окрестностях Турнон-сюр-Рон короля, своего отца, который должен был вот-вот прибыть вместе с остальным войском, дабы затем выдвинуться против Карла V, коротал время за игрой в лапту.

И играл как раз вместе с Себастьяно де Монтекукколи. После игры, в то время как все бросились искать спасительную тень под навесом, разгоряченный азартом и палящим солнцем

⁵ Административно-географический регион на юге Франции.

дофин остался, чтобы напиться ледяной воды вместе с графом. Паж вспомнил, что это именно секретарь попросил принести два полных сосуда с холодной водой. И не только: оказывается, Монтекукколи сам лично проводил Гаске до колодца.

Поэтому-то теперь капитан Раймонд де Полиньяк и беседовал с сим знатным синьором, чтобы прояснить все подробности.

Он не был знаком с ним лично и, как только увидел, сразу составил не очень лестное впечатление о графе, который оказался человеком скользким и весьма неприятным. Его лицо с утонченными чертами и холодными глазами не вызывало у капитана доверия, да и непонятно было, какие обязанности Монтекукколи выполнял при дофине.

– Значит, если я правильно понял, вы прибыли ко двору вместе со свитой Екатерины Медици, супруги герцога Орлеанского?

– Все верно, – ответил Монтекукколи, поигрывая прядью каштановых волос – накручивал ее на указательный палец правой руки – и с вызывающей гримасой на лице, словно знал наверняка о намерениях Полиньяка. Граф выглядел весьма ухоженным: гладкая светлая кожа, аккуратная прическа, элегантный бархатный пурпур – и в целом обладал очень незаурядной внешностью.

– И при всем том вы стали секретарем дофина. – Произнося эти слова, Полиньяк сам в них с трудом верил.

– Да, можно и так сказать.

Капитан поднял бровь. Он проделал это едва уловимо и с такой ленцой, что выражение лица у него стало куда более недоумевающим.

– Так это вы посоветовали дофину выпить почти кувшин ледяной воды позавчера?

– Капитан, Франциск изнывал от безделья и попросил меня сыграть с ним партию в лапту. Я не советовал, видя, что солнце буквально выжигает землю. Но он не желал слушать никаких доводов. После игры мы так разгорячились, что дофин посчитал необходимым послать за пажом, для того чтобы тот принес нам прохладной воды.

– И вы сопроводили пажа, как там его звали... Гаске, до колодца?

– Совершенно верно.

Полиньяк вздохнул.

– Хорошо, – сказал он, – приму к сведению все, что вы мне рассказали. Прошу вас не отлучаться ни под каким предлогом из окрестностей Турнона в ближайшие дни.

– С дофином что-то не так?

– Ничего, что может вызвать волнение. Легкое недомогание. Мне просто нужно удостовериться.

– Ну что ж, все правильно, – согласился Монтекукколи, но по всему было видно, что он не верил ни единому слову, сказанному капитаном пикинеров.

Раймонд де Полиньяк встал. Пожал руку графу и, больше не говоря ни слова, направился к выходу.

* * *

Франциск I заплакал, увидев своего первенца в объятиях смерти.

Не сумел сдержать слез не только потому, что любил дофина больше всех остальных своих детей, но и потому, что боль, на которую десять лет назад именно он обрек сына, так и не утихла.

От постигшего его тогда стыда и муки монарх так до конца и не излечился, испытывая чувство вины по отношению к сыновьям, и к первенцу в особенности. И теперь из-за этой несправедливой и жестокой смерти избавиться от этого чувства вины ему не суждено.

Король очень хорошо помнил, как после подписания позорного договора в Мадриде согласился на условия унижительной капитуляции, да к тому же ради возможности вернуться во Францию принял требование оставить вместо себя в заточении собственных сыновей. Франциска и Генриха передали императору Габсбургов, и они более трех лет томились и гнили в подземельях Мадридского замка.

После того заточения что-то сломалось в душе юного Франциска. Навсегда. И зря отец прилагал усилия, чтобы хоть как-то залечить эту рану. Франциск I надеялся, сражаясь бок о бок с сыном на новой войне против Карла V, которая разворачивалась для него успешно, вновь завоевать его доверие и уважение. Но уже во второй раз судьба посмеялась над ним.

Прочитав начертанные Полиньяком строки, король вскочил на коня и галопом помчался в Турнон.

Вид собственного ребенка – кожа его уже приобрела зеленоватый оттенок, однозначно свидетельствующий о кончине, – вернул мысли монарха к тем дням безутешной тревоги и беспомощности, приведшим к предательству родных сыновей.

Теперь это воспоминание было хуже наказания.

Единственное утешение нашлось в том, как капитан Раймонд де Полиньяк вел расследование смерти дофина. Этот достойнейший воин и настоящий верный подданный государя не сомневался относительно того, в чьих руках находилась разгадка тайны.

– Делайте, что сочтете нужным, – сказал Франциск I. – Я даю вам все необходимые полномочия и прошу как можно быстрее поместить под арест этого Монтекукколи. Приговор ему пока не вынесен, но несколько дней в камере в ожидании окончательных доказательств его точно не убьют. А что касается новости о смерти моего сына, нет причин замалчивать ее.

– Вы действительно так считаете, ваше величество?

– Знаю, о чем вы думаете, капитан, и в основном с вами готов согласиться. Зачем поднимать панику и разжигать ненависть? Чего ради? Именно теперь, когда войско Карла V находится в патовой ситуации из-за невыносимой жары этого палящего лета? Я понимаю. Но с другой стороны, представьте только, сколько сил придаст национальный траур. Франциска очень любили, и раз уж ничто больше мне сына не вернет, тем более стоит предать огласке его кончину. Разумеется, мне понадобится несколько дней: нужно время, чтобы с ним простилась королева, и затем его бранные останки отправят в Лион. Распоряжусь, чтобы сегодня же подготавливали повозки.

– Слушаюсь, – сказал капитан.

– Еще кое-что...

– Да, ваше величество?

– Сделаем так, чтобы просочился слух, будто Монтекукколи – имя возможного подозреваемого. У меня предчувствие, что сами французы помогут нам собрать недостающие сведения о нем.

– Хорошо, но позволю себе заметить, что речь идет о человеке без стыда и совести и что, разумеется, он скрывает что-то. Он не особо осмотрителен, но и ничего не боится.

– Потому что на самом деле невиновен или настолько уверен в себе?

– Это нам предстоит выяснить. И еще кое-что, ваше величество...

– Слушаю вас.

– Монтекукколи признался, что прибыл ко французскому двору со свитой Екатерины Медици.

Франциск I посмотрел с недоверием на капитана. Мгновение молчал, не в состоянии произнести ни слова.

– Ясно, – вымолвил с трудом. – Не бойтесь, я готов проверить любую версию. Как только вернусь в Лион, то есть уже завтра, встречу с Екатериной, поговорю с ней и попытаюсь во всем разобраться.

– Очень хорошо. И... ваше величество, это меня не касается, но со смертью Франциска... – Полиньяк заколебался.

– Генрих становится дофином Франции и, значит, она – дофиной? Это вы хотите сказать?

– В общем, да.

Король вздохнул:

– Что ж, надемся, что у Екатерины найдется достойное объяснение.

3. Смятение короля

Король пребывал в смятении.

Новость о смерти дофина и его вероятном убийстве взбудоражила Францию: Франциска очень любили, а Екатерина восторгалась им. Королева закрылась в своих покоях и не выходила уже несколько дней. Король пытался заглушить боль, подолгу разъезжая верхом.

Война продолжалась, но это предательски палящее лето оказалось врагом более жестоким, чем войска императора Карла под предводительством Антонио де Лейвы и Ферранте Гонзаги: людей гибло невероятно много, а отсутствие побед на поле боя сказывалось сильнее оттого, что французы надеялись на скорейшее отступление захватчика.

В это время, пребывая в состоянии тревоги и глубокой печали, Екатерина узнала, что король лично хочет видеть ее.

Тем утром, все еще подавленная из-за смерти Франциска, она оделась в белое траурное платье, как того требовали французские обычаи. Бледного оттенка кожа и светло-каштановые волосы делали более выразительным ее меланхоличный и подавленный вид.

Она вошла в зал с полнейшим смирением и скромностью, на какие только была способна, так как знала, что все случившееся с Франциском делало ее, с одной стороны, сильнее, но с другой – ослабляло, потому что теперь она под подозрением. Ведь Екатерина первая, кто получал выгоду от его смерти, становясь дофиной Франции.

Увидев Франциска I в черном великолепнейшем бархатном дублете, украшенном золотыми пуговицами, безостановочно теребившего свою курчавую темно-каштановую бороду, она замерла в таком глубоком реверансе, что на какой-то миг у нее дыхание перехватило.

– Проходи-проходи, дитя мое, к чему все эти церемонии, – сказал король с теплотой. – Просто обними меня, я же знаю, как дорог был тебе Франциск. – И, говоря так, сам двинулся ей навстречу и прижал Екатерину к груди.

Она не смогла сдержать слез, ведь Екатерина и правда обожала Франциска. Была женой Генриха, конечно, но ее супруг уж слишком быстро явил свои слабости: излишнюю скромность и обидчивость, а самое главное – полную зависимость от этой шлюхи, которая бог знает с каких пор держала его в ежовых рукавицах. Диана де Пуатье – самая прекрасная женщина во Франции, и, не исключено, во всем мире – была его властительницей и любовницей. Екатерина с горечью осознала, насколько тяжелая жизнь ждет ее при дворе. Но это, разумеется, совсем не мешало ей любить Генриха – такого красивого, молодого, сильного. Однако Франциск – он был совсем из другого теста. Неколебимый и верный своим принципам.

И вот теперь Франциск мертв.

Поэтому из ее глаз текли искренние слезы, порожденные страданием на грани отчаяния. Теперь лишь король оставался ее единственным союзником.

– Ваше величество, вы и представить себе не можете, как я тоскую о нем, – проговорила она просто.

Франциск I вздохнул. Затем, немало смущенный, разомкнул объятия и с невыразимой грустью посмотрел Екатерине в глаза – сейчас он не имел никакого желания говорить с ней о Монтекуколи, но, с другой стороны, и не мог избежать этой обязанности.

Екатерина отчетливо распознала заминку в поведении короля, поэтому, нисколько не выжидая, предпочла сразу перейти к делу.

– Вас что-то тревожит, мой государь, что касается не только смерти вашего сына. Я вижу по глазам, так что скажите мне все, что считаете нужным, а я вам отвечу, как должно.

Франциск I покачал головой:

– Какая же вы умница, Екатерина, душа моя, я перед вами весь как на ладони. Однако, признаю, вы правы, поэтому скажу все как на духу. Но давайте, по крайней мере, присядем. – Произнося эти слова, король указал на два удобных, обитых голубым бархатом кресла, на которых золотом были вышиты королевские лилии – герб Франции.

Екатерина только усаживалась, а монарх уже заговорил:

– Видите ли, дочь моя, несколько дней назад, когда я узнал о смерти моего любимого сына Франциска, досужие слухи достигли моих ушей.

– Намекаете на домыслы, что он был убит?

– Именно так, Екатерина. И дело в том, что ведь речь не о домыслах. Позвольте, буду откровенен с вами до конца: личный хирург дофина монсеньор Гийом Мобер утверждает, что, показавшись на первый взгляд естественной, его смерть на самом деле, вероятно, является хорошо замаскированным убийством.

Услышав подобные слова, Екатерина прикрыла рот рукой. Расширив глаза, уставилась на короля. До нее начинало доходить, куда может завести этот разговор.

И испугалась.

Король кивнул снисходительно, словно догадался, о чем она сама подумала.

– Именно так, – подтвердил он, – примите к сведению, что Гийом Мобер не тот человек, который будет легко разбрасываться подобными утверждениями. Мало того! Один мой верный служащий, капитан Четвертой роты пикинеров Раймонд де Полиньяк, к счастью, сразу начал расследование смерти Франциска, и, когда я прибыл в Турнон-сюр-Рон в последний раз обнять сына, он поведал мне о своих подозрениях.

– И на ком он остановился? – мягко поторопила монарха Екатерина со слезами на глазах.

Король вздохнул:

– Похоже, на некоем Себастьяно де Монтекукколи, графе Модены. Это он каким-то образом подал Франциску идею выпить огромный кувшин ледяной воды после того, как они совершенно безрассудно или, вернее сказать, бездумно играли в лапту. Лишь подумаю об этом, меня ярость раздрает... – Голос короля дрогнул от обиды и злобы. – В любом случае никто не знает, не воспользовался ли Монтекукколи моментом, чтобы подмешать в кувшин Франциска какой-нибудь яд. Хочу сообщить вам, Екатерина, что, когда капитан Полиньяк спросил Монтекукколи о его роли при дворе, тот, ни секунды не колеблясь, ответил, что прибыл во Францию с вашей свитой. Судя по его явно итальянскому происхождению, утверждение может быть и правдоподобным.

Екатерина остолбенела. Мгновение не знала, что и ответить, несмотря на всю ложность данного утверждения. Побледнела. Но гнев и возмущение привели ее в чувство.

– В моей свите и среди слуг никогда не было этого сеньора. Я не слышала ни его имени, ни уж тем более ничего о его персоне, пока вы не сказали о нем. Монтекукколи? Понятия не имею, кто это. Вернее, могу представить только одного человека – забравшего у меня обожаемого Франциска. Вы же прекрасно знаете, как мне был дорог дофин, мы дружили больше, чем я с моим супругом, который избегает меня со дня нашей свадьбы. Мне нечего добавить.

Слова Екатерины, похоже, убедили Франциска I, но для очистки совести он все же попытался надавить на невестку, так как хотел убедиться до конца в ее правдивости:

– Вы уверены, что ничего не скрываете от меня? Простите, если настаиваю, но я должен это сделать, дитя мое.

– Ваше величество, я только одно могу сказать. Если вы больше не доверяете мне, если ваши подозрения настолько серьезны, что способны затмить мою преданность и искренность, которые я всегда проявляла в отношении к вам... тогда не колеблясь можете прямо сейчас приказать отрубить мне голову.

Екатерина выдержала взгляд короля с такой решительностью и горящими глазами, что было ясно: она не утаила правды, но подтвердила ее.

Король выдохнул с облегчением. Он видел блеск в глазах Екатерины и, если только она не великая притворщица, поклялся бы, что невестка говорила правду. С другой стороны, теперь умолчать о грызущем его в глубине души смятении монарх не мог, он слишком любил ее и понимал, что указать на слабость сейчас будет лучшим способом, чтобы укрепить положение этой молодой, но очень проницательной и дальновидной женщины.

– Екатерина, ваши слова мне как бальзам на душу. Я знаю непостоянство своего сына Генриха, но мне ли его судить. Сам признаю за собой слабости и менее всего подхожу в качестве наставника, призывающего должным образом исполнять супружеские обязанности. И ко всему прочему Генрих меня ненавидит...

– Это неправда, ваше величество.

– И тем не менее это так – с тех самых пор, как я оставил их в заточении в мадридской тюрьме. Я даже не смею упрекнуть его. Но все же то, что сейчас имеет значение, – это наследники. Не хочу показаться циником, Екатерина, но знаю, о чем судачат при дворе с того самого трагического дня: что вы с Генрихом первые получаете выгоду от смерти Франциска. Теперь вы – дофины Франции. Знать не желаю, как часто Генрих навещает вас в вашу постель, но ради вашего же собственного спокойствия и безопасности советую поскорее родить ребенка. Я всегда буду на вашей стороне, Екатерина, потому что вижу в ваших глазах ум и отзывчивость, а качества эти я среди первых ценю в женщинах, но вы так близки к трону, что не иметь детей вам непозволительно...

– Ваше величество... – попыталась вставить словечко Екатерина.

– Не перебивайте меня, дитя мое. Все, на чем я настаиваю, – подарите нам наследника. И сделайте это побыстрее. Только так вы сможете защититься от стрел Дианы де Пуатье. Будьте очень осторожны, Екатерина. Климент Седьмой⁶ два года как умер. Франциск, любивший вас, тоже мертв. Я последний из друзей, кто с вами остался, и, поверьте, вы должны признать, что я предельно искренен с вами. И если это говорю сейчас, то только потому, что сильно люблю вас, и еще потому, что вижу в вас такую дочь, какой у меня никогда не было. Ваши познания в философии и астрологии поражают меня так же, как и искусство и смелость, с которыми вы держитесь в седле, во время охоты сравнивая с божественной Артемидой. Я в восторге от вкуса и врожденной элегантности, всегда присущей вам. Вот! Я все сказал. Но если думаете, что этого достаточно, чтобы чувствовать себя в безопасности, тогда вы наивны. Я-то знаю, что это вовсе не так... Найдите способ вернуть Генриха в вашу постель. Дайте ему понять, что ребенок усилит и его положение как наследника трона. Я рассчитываю оставаться у власти еще несколько лет, но неразумно хвататься за единственную соломинку. Я ясно выразился?

Екатерина кивнула. Ей хотелось бы многое сказать, но она отлично понимала, что нет смысла вступать в полемику. Наоборот, несмотря на явную жесткость, этот разговор заслуживал гораздо большего ее внимания, чем могло показаться, поскольку прозвучало подробнейшее предупреждение, какого поведения ей необходимо придерживаться.

– Я сделаю, как вы говорите, ваше величество... – послушно ответила Екатерина.

⁶ *Климент VII* (в миру Джулио Заноби ди Джулиано де Медичи) – папа римский с 19 ноября 1523 года по 25 сентября 1534 года.

– И абсолютно не ошибетесь, верьте мне. А также подскажите, как нужно себя вести этому неудачнику – моему сыну, – добавил король, не стесняясь в выражениях, – ведь без наследника вы долго при дворе не задержитесь.

– Ваше величество... а что же касается другого вопроса?

– Намекаете на Монтекукколи?

Екатерина кивнула.

– Дитя мое... думаете, если бы я вам не поверил, разговаривал бы с вами сейчас так откровенно? В любом случае не волнуйтесь, расскажу Полиньяку, что увидел в ваших глазах и услышал в вашем голосе, и вам не придется ничего опасаться. Уверен, правосудие скоро свершится. Теперь оставьте меня, чтобы я мог составить депешу для моего верного капитана и указать ему, в каком направлении двигаться дальше.

Больше ни слова не прибавив, король встал и подал руку Екатерине.

– Теперь вы жена дофина Франции, хотя, признаюсь, предпочел бы, чтобы это случилось при других обстоятельствах... – На мгновение его голос дрогнул. – Пообещайте, что с достоинством будете носить этот титул, подкрепляя его благими делами.

– Обещаю, – ответила она.

– А сейчас идите, – заключил король. – Время не ждет.

4. Письма говорят сами за себя

Вернувшись с ночного дежурства, Раймонд де Полиньяк обнаружил, что на столике для писем его ждет не один, а целых два конверта. Капитан был насквозь мокрым от пота. Он собрал свои длинные каштановые волосы в хвост, но из-за этой невыносимой влажности и жары, не ослабевающей ни днем ни ночью, они все равно действовали ему на нервы. Состричь их под ноль, наверное, было бы правильнее всего, да только длинные волосы теперь в моде, и, по правде говоря, они по прошествии лет оставались его единственным предметом гордости, а потому капитан не собирался от них отказываться. Хорошо хоть сержант Буйон догадался проявить усердие и раздобыл для командира кувшин холодной воды и фруктовое желе.

Раймонд снял дублет и остался в одной отделанной кружевом рубашке. Освободил ворот, надеясь, что по крайней мере так дышать станет немного легче. Налил стакан воды и залпом опорожнил его, после чего тыльной стороной ладони вытер рот. Взял серебряную ложечку с подноса, на котором стояла креманка с желе, и попробовал его. Оно оказалось восхитительно освежающим, а малина – изысканной. Выпил еще воды.

Затем взял конверт с королевской печатью и немедленно вскрыл его.

Быстро прочитал:

«Монсеньору Раймонду де Полиньяку, капитану Четвертой роты пикинеров короля Франции», – гласил заголовок послания. И далее:

Мой дорогой Полиньяк,

я сделал так, как Вы мне подсказали: на днях поговорил с Екатериной де Медици, герцогиней Урбинской, женой моего сына Генриха, герцога Орлеанского и теперешнего дофина Франции. Я поставил ее в известность о заявлениях Себастьяно де Монтекукколи, графа Модены. Она мне в более чем твердой и уверенной форме ответила, что никогда не слышала о человеке с таким именем и фамилией и уж тем более он не состоял в ее свете.

Со всем основанием заверяю Вас, что тон и манеры, с какими она слушала и говорила, а также неподдельное возмущение свидетельствовали о ее невинности. Не думаю, что Екатерина замешана каким-то образом в заговоре против меня или Франции. Уверен, для Вас этого достаточно.

Так что действуйте дальше, допрашивайте заключенного, уже вижу его закованным в кандалы, как я приказал, и прибавлю – не скупитесь на хлыст.

*Жду дальнейших сообщений от Вас,
его величество король Франции Франциск I, в прошлом Франциск Орлеанский.*

Ни секунды не раздумывая, Полиньяк взломал печать и на конверте со вторым посланием, которое было помечено армейским королевским штемпелем.

«Монсеньору Раймонду де Полиньяку, капитану Четвертой роты пикинеров короля Франции». Заголовок ничем не отличался. Далее следовало:

*Мой дорогой капитан,
меня зовут Бернар Сорель, я лейтенант Второй роты пикинеров его величества короля.*

Я счел необходимым написать Вам, чтобы посвятить в событие, произошедшее со мной сегодня утром, так как подумал, что могу пролить свет на трагические обстоятельства последних дней. Я имею в виду дошедшие до меня слухи о вероятном убийстве дофина одним сомнительным господином, неким Себастьяно де Монтекукколи.

Так что без долгих предисловий расскажу Вам все, что со мной случилось. Некоторое время назад я получил ранение в ногу пулей от аркебузы. После хирургической операции мне полагался отпуск для восстановления, и я обустроился на постой в Лионе в трактире «Фальконьер», хозяйка которого мадам Лилли – женищина молодая и жизнерадостная, не устающая угождать своим постояльцам самым наилучшим образом. Как Вы можете себе представить, трагические обстоятельства убийства дофина Франции в последние дни ни у кого с языка не сходят, так же как и имя вероятного исполнителя преступления – Себастьяно де Монтекукколи.

Но представьте себе мое изумление, когда не далее как позавчера мадам Лилли зашла ко мне и очень доверительно сообщила, что человек с такими именем и фамилией останавливался у нее не так давно по пути в предместье Турнон-сюр-Рон, прямо на войну. При этом он предпочел оставить у нее свой дорожный саквояж до тех пор, пока не найдет новое место постоя, пообещав вскорости прислать за ним слугу.

Еще более невероятным оказалось совпадение, что объявился и тот слуга – он уже стоял под дверью трактира с требованием выдать ему саквояж, когда мадам Лилли, прежде чем сделать это, пришла ко мне просить об одолжении.

Так как бедная женищина не хотела, чтобы в будущем ее честное имя оказалось запятнано, она намеревалась открыть саквояж в присутствии двоих свидетелей, чтобы продемонстрировать неприкосновенность его содержимого в отсутствие синьора Монтекукколи.

Естественно, в свете того, о чем повсеместно ходили разговоры относительно произошедшего, и оттого, что я мог быть полезен мадам Лилли, которая всегда проявляла ко мне доброту, я счел себя обязанным оказать ей такую малость. Поэтому мы спустились вместе на первый этаж и в присутствии еще одного благородного господина, монсеньора Анри де Рошфора, открыли саквояж.

Слуга подтвердил, что содержимое его нетронуто, но, однако, пока мадам перебирала вещи, монсеньор де Рошфор, будучи по профессии

аптекарем, рассмотрел в глубине два занятных прозрачных пузырька с каким-то слишком уж подозрительным порошком.

Изучив их более внимательно, монсеньор де Рошфор заключил, что содержимое пузырьков не иначе как яд, и, попросив слугу открыть первый из двух, понюхал, а затем сделал вывод, что, скорее всего, речь идет о цианиде.

Поскольку дело зашло так далеко, ситуация из непреднамеренной переросла в щекотливую, и я счел целесообразным заявить, что мне, как офицеру второй роты пикинеров его величества короля Франции, надлежит конфисковать этот саквояж, чтобы доставить его моему вышестоящему начальству. В силу того что моя рота в данный момент размещается в Провансе, мне показалось более надежным и быстрым, если его доставят прямо к Вам, ведь Вы находитесь намного ближе к месту моего проживания, чем полковник Франсуа де Шатийон, так что я побеспокоился отправить свою добычу Вам. Тем более что в свете последних событий тот самый Себастьяно де Монтекукколи находится в Турноне.

Надеюсь, поступив подобным образом, я сделал все правильно и оказался Вам полезен.

Пользуясь случаем, выражаю Вам мои самые добрые надежды и пожелания в скорейшей победе над имперскими псами Карла V.

Со всем моим глубоким уважением, Ваши

Бернар Сорель,

лейтенант Второй роты пикинеров его величества короля Франции Франциска I.

«Какая невероятная удача», – подумал Раймонд де Полиньяк. Под столиком для писем он обнаружил кожаный дорожный саквояж Себастьяно де Монтекукколи.

Ни секунды не мешкая, открыл его, дабы проверить, что внутри. Кроме некоторых личных принадлежностей – пары перчаток, трех тончайшей выделки льняных рубашек и штанов из красного бархата, Полиньяку попались на глаза два стеклянных пузырька – те самые, о которых обстоятельно рассказывал лейтенант в своем послании.

Капитан осмотрел их: действительно, внутри бесцветный кристаллический порошок. Затем он позвал солдата и приказал тому пойти и передать монсеньору Гийому Моберу, что он ждет его к себе как можно быстрее. Предстоящее дело не терпело промедления.

5. Серебряный колокольчик

Король, конечно, прав. А она просто дурочка, что сама не догадалась раньше. Ох как беспокоилась об этой шлюхе Диане де Пуатье и ее влиянии на Генриха, а проблема-то гораздо проще и конкретнее.

Если супруг так и будет не вылезать из постели соперницы, зачать ребенка окажется весьма затруднительно.

И несмотря на то что монарх благосклонен к ней и не раз демонстрировал свое почтение и привязанность, сейчас следует гораздо сильнее беспокоиться о своей безопасности, чем о чести. Дети нужны, чтобы укрепить положение при дворе, которое, будучи и так шатким по причине непохожести Екатерины на других дам и ее итальянского происхождения, сейчас делалось совсем тяжелым, если не сказать отчаянным, из-за двойного подозрения, связанного, во-первых, с бредовыми утверждениями Себастьяно де Монтекукколи и, во-вторых, с обретением короны – в будущем, конечно.

Честно говоря, эта самая корона Екатерину вовсе не занимала, но придворные, знать, вельможи, несомненно, думали обратное. Это же так очевидно! Кто, если не она и Генрих,

больше всего выигрывал от смерти Франциска? Кто в результате ужасного инцидента становился дофином Франции, а впоследствии и королем?

Такие мысли металась в голове Екатерины, пытавшейся отыскать решение своих проблем. Но абсолютно ясно, что, просто домогаясь супруга, ребенка ей не зачать.

Хотя существовал один утонченный и хитроумный способ добиться необходимого результата, чтобы выжить при французском дворе, разьедаемом завистью и коррупцией.

Разглядывая себя в зеркале, любуясь полными губами, красивыми каштановыми волосами и благосклонно принимая свои невыразительные глаза и – сомнительный подарок природы – несовершенный нос, Екатерина разрабатывала план. По сути, простой, только вот, чтобы довести его до успеха, ей придется посвятить в замысел свою самую преданную фрейлину, обладающую незаурядным умом, – мадам Антинори.

Она взяла с красивого туалетного столика, выполненного из дуба, маленький серебряный колокольчик и позвонила. Немного спустя к ней явилась мадам Гуді.

– Я хочу видеть мадам Антинори, – распорядилась Екатерина. – Передайте ей, что я жду ее немедленно в своих апартаментах.

* * *

Раймонд де Полиньяк стоял напротив Себастьяно де Монтекукколи.

В камере, где содержался последний, воняло потом и мочой.

Хватило нескольких дней, чтобы превратить этого так называемого благородного господина, ухоженного и недурного собой, в жалкую развалину. Волосы грязные, черные круги под глазами, рубашка из льна тончайшей выделки, когда-то белоснежная, грязна и забрызгана кровью. Но хуже всего дело обстояло с руками, закованными в кандалы: покрасневшие запястья были все изодраны при трении кожи по металлу.

И все же самозванный граф пока не растерял свой надменный вид и по-прежнему насмешливый взгляд.

Раймонд де Полиньяк решил, что вынудит его передумать.

– Монсеньор Монтекукколи, – сказал он, – не знаю, осознаёте ли вы, насколько плачевным стало ваше положение.

Граф Модены поднял бровь:

– И отчего же так, капитан Полиньяк? Неужели наметился успех в этом вашем личном крестовом походе против меня? Ведь тот факт, что я по сей день заперт в этой камере без всяких на то веских оснований и без... – Слова застряли у него в гортани.

– Узнаете? – спросил Полиньяк, показывая саквояж, который принес с собой. – Помните, где его оставили? Вы, любезный монсеньор, и не представляете, что произошло. Но могу вас заверить, что не остановлюсь, пока вся правда о случившемся не выйдет наружу. Отвечайте на мой вопрос! Узнаете саквояж?

Монтекукколи, пораженный, смотрел на свою кладь. Он не ожидал, что Полиньяк заявится с подобной вещицей. Как, черт побери, ему удалось заполучить саквояж?

– Не понимаю, – единственное, что удалось выдавить из себя графу Модены. Теперь его взгляд не казался уже таким нахальным.

– Ну конечно, – коротко парировал Полиньяк и продолжил: – Как бы то ни было, отвечайте на мой вопрос.

– Н-на нем м-мои инициалы. – Нет смысла затягивать, подумал итальянец.

– Намекаете на эти? – И капитан продемонстрировал внутренности саквояжа, где на кармашке золотыми нитями изысканно были вышиты первые буквы имени и фамилии графа: С и М.

Монтекукколи кивнул. Что еще он мог поделаться?

– Что такое? – давил Полиньяк. – Вы язык случайно проглотили?

– Вовсе нет, – фыркнул, оскалив зубы, граф Модены. – Это мой, да, мой саквояж! Я узнаю его! – прокричал неожиданно.

Полиньяк театральным жестом развел руки:

– Наконец-то! Потребовалось так много времени, чтобы признать это? Теперь... – И он продолжил: – Знаете, что скрывает этот саквояж? Может, мне напомнить? – И, не раздумывая ни секунды, капитан пикинеров подначил Монтеукколи: – Ну же, не скромничайте, возьмите один из этих стеклянных пузырьков, поблескивающих внутри вашей поклажи.

Граф Модены почти механически выполнил приказание.

– Замечательно, монсеньор, а сейчас я спрашиваю вас: что за порошок находится во флаконе, который вы держите в руках? Скажете мне или нет?

6. Нострадамус

Екатерина говорила без умолку.

Мадам Антинори смотрела на нее все более и более обеспокоенно.

– Послушайте, Франческа, я вызвала вас, потому что знаю об одном из ваших пристрастий, и, к счастью или на беду, у меня оно тоже есть...

Мадам Антинори сглотнула, в то время как все усиливающееся тревожное волнение подкатывало к горлу, сковывая его железной хваткой.

– Я имею в виду, разумеется, астрологию и оккультные науки.

Фрейлина попыталась возразить, но Екатерина опередила ее:

– Не стоит волноваться и противоречить мне. Во-первых, потому, что у меня есть неопровержимые доказательства вашей осведомленности насчет предмета нашего разговора, а во-вторых, потому, что вам нечего опасаться. Напротив, именно вы, с вашими познаниями, та самая персона, которая более всего подходит мне для выполнения задания огромной важности, которое я собираюсь вам поручить. Вам же знаком город Монпелье, не правда ли?

– Да, моя госпожа.

Екатерина кивнула.

– Очень хорошо, тогда все становится намного проще. – Она направилась к шкафу с книгами и взяла с полки огромный том в блестящем кожаном переплете и с выгравированным на титульном листе золотыми буквами названием. – Подойдите ближе, – позвала она мадам Антинори, укладывая книгу на столик для письма. – Узнаете? – спросила.

– «Тетрабиблос»! – воскликнула в порыве удивления мадам Антинори.

– Именно, «Четверокнижие» Птолемея. Вам доводилось заглядывать в него? Эта книга, возможно, одна из первых закладывает научные основы астрологии, фиксирует ее главные принципы так, что настоящие эксперты магии и сверхъестественных наук в состоянии связать космос с определенными правилами и порядком, что для нас, всего лишь любителей предмета, говоря простым языком, является как нельзя более подходящим. Теперь слушайте, – продолжила Екатерина, – здесь, во Франции, живет один человек, который, хотите верьте, хотите нет, на основе именно этих текстов формирует свое видение пространства и природы и через выведенные им самим законы может влиять определенным образом на жизнь людей.

– Не думаю, что знаю его имя, – пробормотала мадам Антинори.

– Разумеется, нет, хотя бы потому, что он делает все для того, чтобы оставаться незамеченным в мире, несмотря на собственную гениальность. Но все же мое внимание к этой теме не позволило мне не оценить достоинства этого незаурядного синьора. Поэтому, мадам, я прошу вас найти его и доставить ко мне. Не важно, сколько времени это займет, даже если он вздумает спрятаться от вас на краю света, не важно... Вы передадите ему мое письмо, в котором

я призову его ко двору, предоставив мою защиту, для того чтобы он не жалел своих знаний и советов во благо моей персоны. Я ясно все объяснила?

Мадам Антинори утвердительно кивнула.

– Очень хорошо.

– И как его имя? – спросила уже более уверенным голосом фрейлина, когда поняла, что бояться нечего.

– Его зовут очень просто – Мишель де Нотрдам. Думаю, что на самом деле это имя выбрал его отец, чтобы скрыть от всех их еврейское происхождение. Но мне до этого мало дела, вернее, если быть откровенной до конца, совсем дела нет. Значение имеет только то, что я о нем слышала, то есть что он в состоянии творить настоящие чудеса в нашей земной жизни. По этой причине, мадам Антинори, прошу вас следовать моим инструкциям в поиске такого особенного человека, в определенном смысле уникального. Не возвращайтесь, пока его не найдете. Мне кажется, я неплохо вас изучила и знаю, что в вашем арсенале достаточно способов, чтобы убедить мужчину последовать за вами, тем более вы далеко не простушка, чтобы он отказал вам.

Мадам Антинори присела в реверансе:

– Как вам будет угодно, моя госпожа. Благодарю вас более всего за оказанную мне честь и доверие в исполнении такого деликатного поручения. Надеюсь не разочаровать вас.

– Я тоже на это надеюсь.

– Мне понадобится охранный грамота.

– Она у вас будет. Сейчас, когда вы знаете, почему я вас к себе пригласила, подготовьтесь к длительной поездке. Мне же нужно еще время, для того чтобы написать письмо для нашего Нотрдама и составить охранную грамоту для вас, а затем вы отправитесь на поиски. Я прикажу подготовить экипаж и пару доверенных слуг. Будете сообщать мне о ваших успехах раз в месяц. Желаю, разумеется, чтобы ваше путешествие не слишком затянулось.

– Буду готова, как только прикажете.

Екатерина кивнула. После чего махнула рукой, дав понять мадам Антинори, что отпускает ее, и та, еще раз присев в реверансе, направилась к двери.

– Мадам! – окликнула ее дофина Франции; Франческа Антинори остановилась, обернувшись к ней снова. – Простите мою невольную промашку.

И, произнося эти слова, Екатерина сняла с шеи тонкую серебряную цепочку, на которой висел малюсенький ключик. Приблизилась к столу для письма, открыла ящик и достала из него шкатулку, которую передала в руки Франческе Антинори вместе с ключиком.

– В ней вы найдете все, что позволит вам жить как знатная дама по крайней мере год. Разумеется, надеюсь, что ваша миссия завершится гораздо раньше. Если, к несчастью, за это время вам не удастся встретиться с Мишелем де Нотрдамом и привезти его ко двору, то, не испытывая сомнений, дайте мне знать о ваших материальных нуждах, для того чтобы я могла изыскать средства в вашу пользу. И теперь, – заключила Екатерина, – возвращайтесь к себе. Очень скоро я сообщу вам последние новости.

* * *

По спине Себастьяно де Монтекукколи стекала кровь, капли падали на холодный пол камеры каждый раз, когда солдат, стоявший сзади и вооруженный хлыстом, внезапно награждал его новыми ударами.

Раймонд де Полиньяк наблюдал за происходящим. Он устал от упрямства этого синьора. Несколько раз он просил Монтекукколи признать вину в свете всего изложенного лейтенантом Сорелем в письме и ввиду вероятного описанного им процесса, в котором, кроме лейте-

нанта, имелись такие свидетели, как мадам Лилли, хозяйка трактира «Фальконьер», и аптекарь, узнавший в кристаллах цианид.

Силы Монтекукколи подходили к концу.

С руками, подвязанными к перекладине, он едва держался на ногах. Настолько ослаб, что Полиньяк кивком отдал приказ двум пикинерам освободить его. После этого солдаты осторожно уложили узника на деревянную скамью. Граф Модены в изнеможении распластался на ней, вытянув руки вдоль тела, его мокрые от пота волосы спадали на лоб, как будто пряча лучи ненависти, пробивавшиеся сквозь щелки сощуренных глаз.

Полиньяк надеялся, что сломил сопротивление узника.

– Монсеньор, – сказал капитан, – у меня нет намерения продолжать, напротив, чем раньше сознаетесь в своем преступлении, тем лучше будет для всех. Только так я смогу положить конец вашим мучениям. Прошу, не заставляйте меня приказывать начинать все сначала.

Монтекукколи закашлял. Приподнялся, слегка согнувшись, пока изо рта вытекала слюна, смешанная с кровью. Из-за резко пронзившей его боли так сильно сжал губы, что прикусил их.

– Воды, – пробормотал он.

Полиньяк подал знак одному из двух пикинеров.

Граф жадно пил.

Когда закончил, тряхнул головой.

– Я вам все расскажу, – произнес он.

– Я весь внимание, – ответил Полиньяк.

– Меня зовут Себастьяно де Монтекукколи, – принялся рассказывать он. – Этот саквояж мой, – вздохнул, словно первая фраза и была началом конца. Но он уже настолько вымотался, что молчать больше не мог. Сдался и исповедовался теперь, слова лились сами собой. – Я купил яд в лаборатории одного венецианского аптекаря. Прибыл во Францию вместе с ротой наемников под командованием капитана Ренцо де Чери, который состоял на службе у короля. Однако солдаты императора Карла нас разбили. Некоторые попали в плен и были этапированы прямо к Антонио де Лейве.

– Правителю Милана, связанному с Карлом Пятым, и действующему генералу его войска? – спросил Полиньяк.

– Да, – подтвердил Монтекукколи. – Вместе с ним был также и Ферранте Гонзага. Они предложили мне убить короля Франции в обмен на жизнь и вдобавок пообещали присвоить титул гранда Испании и передать во владение две области в провинции Мантуя.

Полиньяк искоса взглянул на него:

– И вы поверили в эти посулы?

– Я был в отчаянии, – сознался Монтекукколи. – И у меня не было другого выбора, ведь если бы отказался, меня бы убили.

– И в итоге что вы сделали? – потирая плечо Полиньяк, чувствуя, что уже крепко прижал несчастного к стенке. – Сыграли в лапту, и что дальше?

– Как я уже рассказывал, во время игры мы сильно разгорячились и Франциск очень хотел пить. Мы послали пажа с двумя серебряными кувшинами к ближайшему колодцу в месте расположения стоянки дофина. Я пошел с ним. Паж зачерпнул воду и наполнил кувшины. Поставил их на край колодца и нагнулся посмотреть в глубину. В этот весьма удобный момент я, подойдя поближе, высыпал яд в правый сосуд.

У Раймонда де Полиньяка засветились глаза.

– Наконец-то вы признались! И теперь, честно говоря, монсеньор Монтекукколи, я бы ни солью не поставил на вашу жизнь.

7. Разговор с Генрихом

К сожалению, она некрасива. Все бы отдала ради красоты, но ничего не поделаешь. Она умная, воспитанная, внимательная, приятная, но некрасивая. Волосы не светлые, и глаза не голубые. Скулы не высокие, и нос далек от совершенства. Глядя на себя в зеркало, Екатерина думала: единственное, что можно сказать, – интересная, пожалуй, и все. Больше ничего. Как она соблазнит Генриха? Как вырвет его из лап Дианы?

Эта женщина была ее проклятием. Екатерине оставалось ненавидеть и ждать. Она культивировала в себе ненависть и ожидание с момента приезда ко двору. Но теперь одно из оснований, на котором строилось ее поведение, теряло опору. Ждать она больше не хотела. Франциск I предельно ясно все объяснил. Сначала, совсем некстати, умер дядя Климент VII, он здорово придумал в очередной раз заключить союз с императором Карлом V, чем привел в дикую ярость французского монарха; да к тому же после смерти оставил Екатерину в долгу, потому что так и не вручил обещанного за нее по договору приданого. А ведь оно являлось единственной причиной, по которой Валуа решили породниться с семейством флорентийских торговцев.

Франциску I пришлось собрать всю волю в кулак, чтобы снести подобный удар и не попрекать Екатерину этим каждый день с утра до ночи.

А вдобавок еще и подозрение в убийстве с целью занять залитый кровью трон в качестве жены теперь уже дофина.

Разве мало выпало несчастий на ее долю! Так она еще и не в состоянии подарить Генриху наследника. Конечно, легко ли это сделать, учитывая, что муж не показывается на глаза, разве только поприветствует мимоходом.

Екатерина так разозлилась, что не заметила, как в покои вошел Генрих.

Поняла это, лишь когда он оказался напротив нее.

– Генрих! – произнесла Екатерина, почти опешив. – Как поживаете, любовь моя?

Именно так она постоянно обращалась к нему, потому что, несмотря на все, несмотря на открытую неверность, несмотря на недостатки, с ней Генрих всегда обращался хорошо. И Екатерина знала, что подобное его поведение демонстрировало отклонение от общепринятой нормы, действующей при этом враждебном и предательском дворе, который с первого дня не принял ее, за исключением короля и его наследника. А еще ко всему прочему Генрих был настолько красив и обаятелен, что устоять перед ним было просто невозможно.

Она приблизилась к супругу и обхватила его лицо ладонями. Обратила внимание, насколько странный у него взгляд – далекий, отсутствующий, взгляд человека, не осознающего, что делает и что привело его к ней.

Он вздохнул.

– Екатерина, – сказал наконец, – итак, случилось то, чего я боялся. Мой бедный брат в итоге нас покинул, и все по вине моего отца! – Он с горечью повысил голос.

– Зачем вы так говорите? Вы прекрасно знаете, что это неправда.

– Ах, жена моя! Как раз это самая настоящая правда. Если бы вы только знали моего брата раньше, до тех трагических дней, до того заключения и несчастья, одиночества и жестокости, полагаю, сегодня вы бы так не думали.

Екатерина увидела, как холодность во взгляде Генриха, с которой он пришел, сменилась горькой тоской, беспомощностью, словно все произошедшее, по его мнению, было предвещено и неизбежно.

– Что вы имеете в виду? Скажите яснее, я вас не понимаю.

Генрих снова посмотрел на нее, на этот раз прямо в глаза. Екатерина почувствовала, как у нее кровь стынет в жилах. Казалось, он хочет поделиться какой-то ужасной тайной.

– Франциск не был больше самим собой после заточения, на которое нас обрекли ради спасения отца. Король забыл о нас на три долгих года, бросив в руки тюремщиков, не имевших понятия о чести и, что хуже, не знавших сострадания. Это был ад, Екатерина! – Генрих замолчал. Отвернулся к окну. Посмотрел на августовское небо, на окружающие замок зеленые луга, на клумбы и фонтаны с хрустальными брызгами воды. – Крысы, огромные, как свиньи, приходили жрать наши ноги. Не могу забыть их мучительные укусы долгими, бесконечными ночами. А удары, оскорбления, унижения! Франциск был старше, и на нем охранники отыгрывались сильнее. Однажды схватили его и раздели догола. Помню, как Франциск плакал, в то время как те твари смеялись, твердя ему, что он не кто иной, как французская девчуля. И чем сильнее оскорбляли, тем сильнее он плакал, потому что боялся того, что потом случилось. Я не понял сразу. После, когда увидел, что происходит, потому что мне не разрешали закрывать глаза, я тоже заплакал. Еще сильнее его. Среди них был один бугай. Волосы длинные, густая борода – черная как смоль. Он ударил Франциска кулаком два раза. Такой быка бы убил. Мой брат упал. Бугай поднял его за волосы и заставил встать на колени. Потом развязал портки и... – Генрих не смог продолжить, у него сорвался голос.

– Генрих, зачем вы рассказываете мне об этом? Перестаньте мучить себя теми жуткими воспоминаниями, вы ими лишь причиняете себе боль. – Екатерина приблизилась к мужу и обвила его руками. Лицом уткнулась в плечо. Но Генрих и не собирался прекращать.

– После того как все закончилось, он снова ударил моего брата, на этот раз залепил пощечину, и опять пнул на землю. Когда же Франциск попытался подняться на ноги, негодяй надавал ему пенделей под дружный хохот остальных охранников. Я и пальцем не пошевелил. Мне было страшно. Просто смотрел. Как трус.

– Вы были ребенком, Генрих. Что вы могли сделать? Это не ваша вина...

– Потом этот громила, – перебил он жену, – помочился на него. Казалось, этому не будет конца... – Голос Генриха снова сорвался, и дофин умолк. В глазах его блеснули едва сдерживаемые слезы.

Екатерина стояла потрясенная.

Конечно, теперь она хорошо понимала, насколько, вероятно, было ужасно для этих двух мальчишек оставаться три года запертыми в мадридской тюрьме. И также понимала злость и обиду, неизменно питаемые Генрихом к отцу.

– Боже мой, Генрих, это ужасно, ужасно! Ребенок не должен пережить то, что случилось с вами и вашим братом. Никогда! Только сейчас я осознала, что вам довелось вытерпеть.

Генрих покачал головой. Он высвободился из ее объятий.

– Нет, вы себе даже не представляете. Никто не способен этого представить, если только не пережил подобную трагедию. Не способен представить и этот трус, мой отец, бросивший нас в лапы дьяволу. Франциск тронулся умом после того дня. Он больше никогда уже не был прежним. Эта тюрьма навсегда сломила брата, и он стал тенью себя самого. Начал вытворять совершенно непонятные вещи, а потом окружил себя людишками странными и полоумными. И то, что в итоге на днях случилось с ним, не что иное, как предсказуемый результат болезненного пути, начатого много лет назад. Мой отец, и только он, – убийца моего брата.

Екатерина почувствовала, что резкая боль пронзила ее, как будто слова мужа ножом резнули по сердцу. Все им рассказанное было настолько жутко, что от услышанного становилось страшно.

– Генрих... вы... вы не смеете говорить такое. Вы не можете думать об этом серьезно.

Он отвернулся, успев мельком скорчить гримасу.

– Да неужели? – голос его прозвучал зловеще и недоверчиво. – Вы сами-то понимаете, о чем говорите, Екатерина?

– Я не знаю о ваших страданиях, вы правы, не понимаю, что значит для вас все пережитое, потому что мне не довелось испытать такое; повторяюсь, вы правы. Но я люблю вас, Генрих, я здесь только для того, чтобы помочь вам преодолеть все это, если бы вы только позволили мне.

Дофин отрицательно замотал головой:

– Екатерина... Это не ваша вина. Вы всегда очень добры ко мне, и я... ну, я очень привязался к вам, естественно. Да и как иначе? Но вы все же должны понять, что оказались здесь слишком поздно. Все уже случилось до вас. И если сегодня я не сошел с ума, то только по одной причине...

Услышав эти слова, Екатерина поняла, что боится услышать продолжение фразы. Чувствовала, что оно снова заставит ее страдать.

Но затем собралась с духом и заставила-таки себя произнести:

– Скажите мне все, о чем думаете, смелее, говорите до конца, не замалчивайте от меня ничего. Искренности-то, по крайней мере, думаю, я заслуживаю, или вы так не считаете, Генрих?

Он кивнул.

И заговорил:

– Если я не свихнулся совсем после того, как вернулся из Испании, в этом заслуга лишь одного человека, и только одного.

– Диана... – с горечью произнесла Екатерина. Это имя слетело у нее с губ, будто отрав.

Генрих посмотрел на жену:

– Мне жаль, но это так.

– Ну что ж, хорошо. – Голос Екатерины звучал теперь холодно и зло. – Я поняла. Да, поняла, что вы надумали явиться в мои покои, чтобы в очередной раз унижить. Вам, видимо, недостаточно унижать меня повсюду за их пределами. А теперь, если позволите, я попросила бы вас удалиться.

Генрих грустно посмотрел на нее:

– Простите меня, Екатерина, я не хотел...

Она мельком глянула на супруга:

– Пожалуйста, проявите милосердие. Уйдите сию же минуту. И если когда-нибудь еще вам захочется вернуться, то сделайте это лишь в том случае, если пожелаете увидеть меня, поговорить или просто побыть со мной. А не для того, чтобы восхвалять вашу шлюху Диану де Пуатье.

Генрих побледнел.

Не произнося больше ни слова, вышел.

Когда дверь за ним закрылась, Екатерина дала волю слезам.

Плакала молча, потому что не хотела, чтобы ее слышали, не собиралась никому показывать свою слабость.

В ее душе боль разрасталась вместе с ненавистью, и, пытаясь сдержать слезы, она клялась самой себе, что рано или поздно отомстит этой стерве.

Октябрь 1536

8. На площади Лиона

Площадь, с четырех сторон очерченная решетчатыми фасадами фахверковых домов, была заполнена людьми.

Великолепный Лионский собор царил над всеми и всем. Его массивные башни-колокольни, как герольды, подпирали роскошный центральный розан и шпиль. Рота пикинеров в полном составе распределилась по периметру площади.

Капитан Раймонд де Полиньяк поглаживал усы в ожидании увидеть леденящий душу спектакль, на который, судя по сплоченной толпе, стеклось множество народу. Капитан стоял навтыжку в своем длинном голубом казакки⁷. На груди блестели латы, на сапогах выделялись красные парадные банты, и такого же цвета накидка свободно свешивалась с плеча. Шляпа с большим алым пером была надвинута на глаза, так чтобы он мог незаметно наблюдать за всем. Эфес шпаги блестел в свете бледного октябрьского солнца.

В центре площади четырех черных лошадей, поставленных крестом, заботливо обихаживали четверо помощников палача.

Раймонд де Полиньяк покачал головой. Посмотрел на Екатерину, заметил, как опечалено ее лицо. Должно быть, дофине было о чем печалиться, учитывая не замедлившие обрушиться на нее подозрения. И все же она держалась невозмутимо и гордо, взгляд открытый, сияющий. А ведь ничего примечательного в ней нет – ни в каштановых волосах, ни в невзрачных, немного выпуклых глазах. Пухлые, даже слишком, губы и изрядных размеров нос впечатления не улучшали. Не скажешь, что страшенькая, но однозначно некрасивая.

Разодета богато, окружена оравой фрейлин и слуг, но по сравнению с любовницей проигрывает той по всем статьям.

Каштановые волосы Дианы де Пуатье переливались, будто оникс. Черные как ночь глаза отливали васильковой голубизной, а совершенные черты лица заставили бы самого ярого моралиста поддаться недостойным помыслам. Белоснежная волшебная шея и бледная кожа, едва подернутая нежным розовым румянцем, возбуждали любого мужчину, делая Диану желанной, как никакую другую женщину Франции.

Неделей раньше король распорядился выстроить деревянные помосты и трибуны, чтобы максимально обеспечить зрителям лучший обзор казни.

Так что теперь Раймонд созерцал обеих женщин дофина Генриха. Самых важных во всей Франции женщин, после, естественно, королевы, сидевшей рядом с монархом.

И все же, если хорошенько приглядеться, в лице Екатерины читалась железная воля. Именно эта воля, объединенная с незаурядным умом, и удерживала ее при дворе до теперешнего момента. Слухи, что король вот-вот прогонит невестку, ходили постоянно, но, несмотря на злые языки, этого так и не случилось.

Ожидая появления узника, Полиньяк поглядывал по сторонам. Все вокруг казалось спокойным.

Торговцы неумоимо продавали печенье и яблочные цукаты, пекари в эти праздничные дни, похоже, и вовсе трудились безостановочно, ведь число покупателей удвоилось. Пастухи и крестьяне, лесники и арендаторы стекались в Лион в огромном количестве из деревень, чтобы присутствовать на особо мученической казни убийцы дофина.

⁷ Верхняя армейская одежда, род плаща.

И конечно, все они были правы по-своему. Теперь, когда война разворачивалась в пользу Франции, даже если до конца ее еще далеко, эта казнь принимала характер коллективного возвышенно-нравственного ритуала.

С деревянного трона король Франциск I снисходительно взирал на свой восторженный народ. Если хорошо подумать, идея попытаться извлечь выгоду из истории с отравлением, предав ее общественной гласности, оказалась совсем неплоха. Предательство Монтекукколи и тайная шпионская деятельность в пользу императора Карла V Габсбурга сделали графа Модены прекрасным козлом отпущения в глазах французов.

Толпа громко скандировала. Пикинеры охраняли площадь.

Вдруг, словно по сценарию, задуманному драматургом, появился приговоренный. Он был привязан к повозке с высокими бортиками, которую тащили два уставших мула. Вместе с ним в ней ехал калека – помощник палача, в обязанности которого входило проклинать приговоренного и лупцевать того безостановочно хлыстом. Горбатый и хромой уродец обрушивал на Монтекукколи такое количество ударов, что чудо произошло бы, если бы тот остался жив, прежде чем его успели привязать к четырем веревкам, предназначенным порвать несчастного на куски.

Толпа заполонила площадь от центра до самой кромки домов и дворцов, но оставила четыре свободных прохода, куда должны были устремиться лошади. Даже самые безрассудные благоразумно держались за деревянными ограждениями, опасаясь, что, не дай бог, какой-нибудь из черных скакунов влепит им копытом, подбросив в воздух тормашками.

Монтекукколи стащили с повозки.

Хор оскорблений и свиста разнесся до неба, на приговоренного сыпались насмешки и издевательства. Мужчины и женщины плевали в узника и метали в него испорченными фруктами и овощами, долетавшими заодно и до уродца, который, казалось, пренебрегая опасностью, выкладывался с еще большим усердием, чтобы превратить в настоящую Голгофу путь, отделявший приговоренного от места четвертования.

Монтекукколи был похож на привидение по сравнению с тем, кем он когда-то являлся. Красивые кудри превратились в длинные темные жгуты. Глаза ввалились, щеки осунулись, скулы выпирали, лицо превратилось в череп, обтянутый кожей. Двигался он с трудом, и не только из-за кандалов на руках и ногах, но и из-за всех несчастий, перенесенных им в тюрьме.

Полиньяк хорошо знал, как по-особенному там обращались с убийцами, да он и сам не жалел хлыста.

В разодранных одеждах, шаткой походкой Монтекукколи едва тащился, почти что падая и поддерживаемый лишь помощниками палача. Последний из них – высокий крепкий мужчина, лысый и одетый во все черное, – снял с него кандалы и бросил цепи разом так, что они загремели по гранитной мостовой.

После этого вместе со своими помощниками он стал привязывать за руки и за ноги приговоренного к концам четырех веревок. Каждая веревка крепилась за рожек седла одной из четырех черных лошадей.

Монтекукколи окончательно изнемог, так что не оказывал никакого сопротивления. Не вырывался, не лягался, не кричал, к глубокому разочарованию толпы, желавшей видеть его молящим о пощаде. Он почти не подавал признаков жизни. Походил скорее на марионетку, чем на человека.

После того как руки и ноги несчастного были надежно привязаны, каждый из четырех приспешников палача достал по хлысту и ударил со всей силы по бедру доверенного ему скакуна.

Конское ржание перекрыло многоголосый гул, заставив замолчать толпу и уставиться на апокалиптическое зрелище.

Веревки натянулись, лошади рванули вперед. Монтекукколи вдруг оказался зависшим над землей, руки и ноги его напряглись в мученическом спазме. Граф Модены закричал, как ни разу не кричал в своей жизни. Вены проступили на бледной коже, как будто готовые порваться.

И в следующий миг они на самом деле порвались.

Полиньяк наблюдал за королевской семьей. Генрих вперился в происходящее.

Королева Элеонора Австрийская и Диана де Пуатье, наоборот, пренебрегли кровавым зрелищем, слегка склонив голову и прикрыв глаза рукой.

Екатерина смотрела.

Казалось, она не испытывала отвращения или страха.

«Любопытно», – подумал Полиньяк. И первый раз за день осознал, что ему по душе эта маленькая итальянка.

9. В поисках астролога

Усталая мадам Антинори была обескуражена и напугана.

Уже два месяца длилось ее путешествие, а этот проклятый Мишель де Нотрдам по-прежнему оставался неуловим. И хуже всего, как ей думалось, оказался внезапно обретенный ею дар приезжать в нужное место именно тогда, когда он уже уехал. А если еще принять во внимание, что всякий раз, произнося имя Нотрдама, она сталкивалась с нескрываемой враждебностью, вспыхивавшей мгновенно и повсеместно... В общем, какова бы ни была причина, казалось, Мишель де Нотрдам не пользовался народной любовью.

Почему, спрашивала себя Франческа, сидя за столиком для письма, дофина решила поручить эту неблагодарную миссию именно ей? Если Екатерина на самом деле так сильно верила в нее и ее способности, тогда отчего было не поручить ей что-нибудь более забавное и приносящее удовлетворение?

Обязанность ежемесячно пошагово сообщать о своих неудачах была бесконечно унижительной.

Франческа покачала головой. Взяла перо, чернила.

И начала писать. Выплеснула на бумагу все, что разузнала за последнее время. Это регулярное подведение итогов своих поисков немного помогало ей привести мысли в порядок.

Ее высочеству Екатерине де Медичи, дофине Франции

Мадам королева,

как и прежде, направляю Вам мой ежемесячный отчет в надежде доставить Вам приятную весть. Должна, однако, предупредить, что новости, увы, не слишком утешительные.

По Вашему совету я сразу отправилась в Монпелье, чтобы начать поиски. Прибыв в город, я тем не менее за довольно короткий срок выяснила, что на самом деле монсеньор Мишель де Нотрдам не обретается там уже более года. Выучившись в Монпелье на бакалавра медицины, он подался в Аквитанию по приглашению, кажется, некоего Юлия Цезаря Скалигера, личного лекаря епископа Ажсена. Перед тем как отправиться в этот город, я все же удостоверилась в одном факте: оказалось правдой еврейское происхождение монсеньора Нотрдама, внука Ги Гассоне, принявшего католичество примерно в середине прошлого века под именем Пьер де Нотрдам.

Проверенный источник подобной информации – бывший доцент, обучавший Мишеля анатомии, некий Клод де Монмажор, удовлетворивший мой интерес и ответивший на дотошные расспросы.

Вот еще, например. Похоже, что именем Нотрдам Ги Гассоне нарекал тогдашний архиепископ Арле Пьер Фо. В любом случае дед Мишеля воспринял приобщение к истинной вере очень серьезно, дойдя до того, что даже отрекся от жены, виноватой лишь в том, что не отказалась от еврейских устоев.

Собрав эти новости, я направилась в Ажен. После долгого путешествия, настолько неудобного и утомительного (на нас напали разбойники, и один из людей Вашего Высочества, которого Вы командировали вместе со мной в свое время в качестве сопровождения, получил ранение, пусть и легкое), мы наконец-то добрались до Ажена.

Здесь, однако, наши дела еще больше усложнились. Во-первых, в городе свирепствовала чума. Признаюсь, что вид повозок, переполненных мертвыми телами, покрытых черными бубонами, изъевшими их плоть, меня изрядно напугал.

В такой ситуации, признаюсь, Ваше Высочество, я склонялась к немедленному возвращению ко двору из-за высочайшего риска, которому подвергалась моя персона. Но к моему счастью, однако, я повстречала месье Скалигера, который развеял все мои сомнения, поскольку вначале долго развлекал меня, посвящая в некоторые методы профилактики и лечения болезни, которые он считает надежными, – судя по штабелям трупов, виденным мною в городе, видимо, эти методы не являются такими уж эффективными, – а в конце концов счел возможным сообщить, что Мишель де Нотрдам покинул Ажен, дабы перебраться в Бордо. Причина переезда, большие похожего на бегство, банальна и связана с опасениями предмета Вашего интереса, что чума заберет жизни его жены и детей. Скалигер признался, что не знает деталей – возможно, каких-либо трагических событий, – поскольку после определенного дружеского периода их взаимоотношения с Мишелем дали трещину.

Итак, попытаюсь добраться до Бордо, не теряя более ни секунды в Ажене, дабы не заразиться чумой.

На этом я завершаю письмо, полагая, что более сообщить Вам нечего. В надежде, что исправно исполняю доверенное мне поручение, позволю себе проститься.

*Ваша признательная и верная слуга,
Франческа Антинори.*

Она перечитала текст письма несколько раз, затем свернула его, превратив в бандероль, и запечатала сургучом. Попросила местного слугу позвать одного из сопровождавших ее охранников, чтобы тот вверил послание гонцу с наставлением доставить его Екатерине как можно быстрее.

Только теперь Франческа смогла расслабиться и поразмышлять над удачей, которая, несмотря ни на что, сопровождала ее в этом ужасном путешествии и уберегала от чумы, косившей без разбору всю Францию.

Она задумалась о земле, крестьянах, деревнях. Зброшенные уголья превратились в пустоши с добела выгоревшей на солнце стерней или стояли сожженные, черные и дымящиеся после лихорадочного отступления войск безжалостного Карла V Габсбурга. Города, пожираемые эпидемией, убивавшей каждого десятого жителя, с крестами на воротах⁸ или охваченные очищающим огнем, производили то же тягостное впечатление.

⁸ Рисование красных крестов на воротах домов во время чумы было частью мер по борьбе с распространением болезни.

Франческа, конечно, боялась за себя, а проку от щедрости госпожи, вручившей ей в дорогу толстый кошелек, на самом деле было мало.

Она почувствовала, что мерзнет. Поплотнее завернулась в меховую накидку. Осень, казалось, уже предвещала зиму.

Франческа надеялась, что дальше ей повезет больше. У нее не было ни малейшего намерения проводить весь год в поисках астролога, наверняка чокнутого и, похоже, всем ненавистного.

Январь 1538

10. Кошмар и испуг

Екатерина видит яростные красные языки пламени – огромные, как стены Иерихона. Повсюду полыхают пожары. Наступающие рейтары⁹ в черных доспехах режут горло всем без разбора: блестящие стальные лезвия их клинков мелькают словно молнии, вспарывая бледно-розовую кожу знатных римлян.

Видит папу, укрывшегося в замке Святого Ангела; он сотрясается от рыданий, словно маленький мальчик, у которого отобрали игрушки.

Видит Рим, раздираемый огнем и мечом, захваченный свирепыми, истекающими, будто бешеные псы, слюной ландскнехтами, жаждущими крови невинных. Улицы, превратившиеся в узкие черные проходы из-за дыма пожарищ, завалены трупами и телами раненых. Тибр – красный от крови сынов Вечного города.

Она оказывается во дворце Медичи во Флоренции, и народ неистовствует у его дверей. Тетя, Клариче Строцци, вооруженная простым ножом, пытается защитить Екатерину от целого города, ненавидящего Медичи. К ней тянутся руки, стремящиеся вырвать глаза женщине, которая принадлежит к этому племени ростовщиков и кровопийц.

Они одни. Совсем одни – брошенные кардиналом Пассерини, кузеном Ипполитом, когда-то так сильно любившим ее, и бастардом Алессандро, которого она считала родным братом, несмотря на его курчавые волосы и пухлые губы, свидетельствовавшие лучше тысячи слов о смешанном происхождении парня, в чьем облике отчетливо прослеживалась дикая и соблазнительная красота, доставшаяся ему от мавританской служанки.

Мужчины и женщины Флоренции разлучают ее с любимой тетей и увозят в доминиканский монастырь Святой Люции, чтобы там держать как заключенную, как узницу в застенках...

Екатерина внезапно проснулась.

Она вся взмокла от пота, волосы прилипли к вискам, сердце стучало как барабан и, похоже, готово было вот-вот выскочить из груди.

Кошмар, который, казалось, вскрывал самые мрачные и жуткие видения детства, опять, в тысячный, должно быть, раз лишил ее сна.

В широкой топке камина полыхнули красным угли, осветив железную решетку. Екатерина не выносила жару в спальне. Дернув ногами, она сдвинула накрывавшее ее одеяло с простыней и села в кровати под массивным балдахином. Спустила ноги, нащупала ступнями бархатные комнатные туфли и неуверенно поплелась к огромному, почти во всю высоту комнаты, окну. Распахнула его, и холодный зимний воздух ударил в лицо.

Фонтенбло – божественное место.

Первые переливающиеся снежинки тихо падали с неба. Белые сады уже припорошило. Екатерина глубоко вдохнула чистый колющий воздух. Обжигающий холод наконец-то вывел ее из оцепенения, охватившего несколько мгновений назад.

Она расслабилась.

Ощутила мороз. Жестокий, он настиг ее незаметно, и тело словно только сейчас распознало его. Прикрыла оконные створки.

Фонтенбло. Еще один замок на бесконечном пути от дворца к дворцу. Но что поделаешь, такова королевская воля. Франциск I был непреклонен, и никто не смел ему перечить или сказаться усталым, иначе пришлось бы иметь дело лично с королем. Главное – присутствовать,

⁹ Рейтары – разновидность тяжелой кавалерии.

оставаясь начеку; неготовность исполнить поручение могла дорого обойтись. Екатерина вздохнула, подумав, сколько государственных богатств тратится на бесконечные войны, с одной стороны, и на создание божественных резиденций – с другой.

Но красота Фонтенбло компенсировала ей все: здесь она могла даже хоть как-то выносить Диану. Впрочем, нынче, Екатерина это знала, ее терпение подвергнется серьезному испытанию. По распоряжению короля начинался праздник, а это подразумевало роскошные наряды и драгоценности, куртуазные разговоры и танцы, но также обжорство и оргии, измены и безудержный секс.

Екатерина старалась не думать об этом. Будет ждать, как всегда. Точнее, ненавидеть и ждать: ненавидеть Диану и ждать возможности завести ребенка.

Более года она не получала известий от своей дорогой Франчески Антинори. Уже и не надеялась, что та все еще жива, смирившись с очевидным фактом: ей не суждено иметь при дворе самого выдающегося и способного астролога современности. Советчиков у нее предостаточно, но никто из них, похоже, не в состоянии избавить ее от томительной муки.

Время шло, а беременность не наступала. Конечно, отсутствие в супружеской постели Генриха, о чем уже ходили легенды, никак не помогало зачатию наследника.

Екатерина фыркнула.

Затем, раздраженная мыслями о предстоящей праздничной программе, взяла со столика томик «Государя» Никколо Макиавелли: он стал для нее руководством к действию. Она читала и перечитывала текст, стараясь сохранить в памяти подсказки и хитрости, поскольку не сомневалась: в недалеком будущем эти идеи станут ей весьма полезны. Рано или поздно Франциск I умрет. Екатерина надеялась, что это произойдет не скоро, поскольку в нем видела своего единственного защитника, но брэнность жизни диктовала быть готовой.

Просмотрела страницы, к которым уже столько раз обращалась за поддержкой.

Потом решила пораньше позвать своих фрейлин, дабы как следует подготовиться к праздничному вечеру. Она будет неотразимой, соблазнит Генриха и затащит его в свою постель. Пусть только попробует эта проклятая Диана встрять между ней и мужем – горько пожалеет об этом.

* * *

Когда в сопровождении свиты Екатерина появилась в великолепном парадном зале, на ней были золотые подвески, усыпанные алмазами и огромными, размером с орех, рубинами, – подарок дяди Климента VII. На пальце красовалась выдающихся размеров печатка с ограненным алмазом. На шее, переливаясь жемчугами, сияло роскошное кольцо.

Аккуратно уложенные волосы, бледная нежная кожа, платье из дорогой голубой парчи с нитями червонного золота, которое подчеркивало ее хрупкую женственность. Екатерина всегда была образцом элегантности: не женщина – изящная статуэтка, непорочная и обворожительная. Впереди шествовали восемь пажей и восемь фрейлин, разодетые в бархат и шелк.

Увидев ее, довольный Франциск I улыбнулся. Он был в белом атласном пурпуэне, украшенном геральдическими лилиями.

Однако, когда Екатерина увидела входящую вместе с Генрихом Диану, сияние ее померкло. Безжалостная соперница высокомерным взглядом окинула залу, освещаемую великолепными светильниками; казалось, ее внимание привлекали лишь завитки спиральных колонн и разноцветные фрески.

Екатерина приблизилась к ней: она устала ждать и прятаться. Как бы ей хотелось, чтобы соперница оказалась в ее положении! Генрих, заметив жену, предпочел удалиться, делая вид, что должен сообщить что-то важное отцу.

– Мадам, – начала Екатерина, – вы прямо светитесь сегодня. Я так понимаю, безвылазное присутствие моего супруга в вашей спальне – причина такого блеска, учитывая ваши далеко не юные годы.

Услышав подобные слова, Диана смирila ее злым холодным взглядом. В черных глазах с лазурными прожилками мелькнули обсидиановые искры. Помедлив и будто надувшись, она вызывающе поджала губы и сказала:

– Почему бы вам не поразмышлять в вашем бесконечном одиноком досуге о неподвластной возрасту красоте, о которой вам и не мечтать?

– Как вы смеете?! – Екатерина не верила своим ушам. Диана никогда раньше так не нагнала.

Но соперница, похоже, еще не закончила.

– Дофина или нет, вы так и останетесь навсегда итальянкой при французском дворе, и дочкой торговцев вдобавок, – продолжила она. – А что касается Генриха, ему лучше знать, в чьей постели спать.

– Значит, вы упорствуете в вашем высокомерном безумстве? – возмутилась Екатерина. – Я знала, что вы мне враг, и сейчас получила еще одно тому подтверждение. Ну что ж, придет время, и я напомню вам об этом нашем разговоре.

– Ваши угрозы меня никак не задевают, моя дорогая, – с презрением ответила Диана. – Так или иначе, и без того хлипкие надежды стать королевой у вас слабеют с каждым днем.

Екатерина подняла бровь: она не верила в то, что слышала.

– А я не тороплюсь. Я надеюсь, что наш добрый монарх будет править Францией еще сто лет.

– Не уверена, что так случится, – заметила Диана со злорадной улыбкой. – Но как бы то ни было, напомню, что вас он может и прогнать, учитывая вашу неспособность иметь детей. Принимая все это во внимание, советую подготовиться к неприятной новости.

Произнесенная последней загадочная фраза достигла задуманного эффекта. Екатерина внимательно взглянула на Диану, не понимая, к чему та клонит.

– Значит, не знаете? – издевательски спросила та. – Похоже, нет, судя по тому, как расширились от удивления у вас глаза, даже слишком, если исходить из их неудачного строения...

– Я запрещаю разговаривать со мной в подобном тоне! – Екатерина была в ярости. Бледное лицо ее от злости залилось краской.

– Как пожелаете. – Диана и глазом не моргнула. – Должна, значит, сделать вывод, что вы забыли об одной очень ценной детали.

– Не понимаю.

– Но мне кажется, это так очевидно.

– И все-таки прошу объясниться. И требую извинений.

– Ладно, что касается извинений – не дождетесь, потому что их не будет. А по поводу новости могу назвать вам всего лишь одно имя – Анн де Монморанси.

– Маршал?

– Видите, ничего-то вы не знаете! Монморанси скоро станет коннетаблем¹⁰ Франции. Так вот, конечно, я не должна вам этого говорить, потому что вы и так знаете, насколько он предан католической вере и, значит, как сильно не выносит всяких магов и астрологов, практикующих странные ритуалы с примесью иудаизма. Уверена, он не колеблясь объявил бы их еретиками. Теперь понимаете, к чему я клоню?

У Екатерины сердце екнуло в груди. Диана что-то знает про ее поиски? Или просто ляпнула наугад?

Она сделала вид, что не понимает, о чем речь, и парировала:

¹⁰ Высшая военная государственная должность в средневековом Французском королевстве.

– Не имею ни малейшего представления, на что вы намекаете.

Диана не отпускала хватку:

– Думаете, не знаю, что вы читаете, моя дорогая? Будьте осторожнее, поскольку, когда при дворе появится человек по имени Анн, не так просто будет листать страницы книг некоторых авторов. Король быстро превратится в одного из самых преданных защитников католической веры, и невозможно станет тогда проявлять интерес к подрывным идеям, особенно женщине, против которой и так все настроены. – Диана голосом выделила последнюю фразу, вздохнула, делая вид, что глубоко опечалена. – Потом не говорите, что я вас не предупреждала, – закончила она.

И, не произнеся больше ни слова, удалилась, успев бросить на Екатерину полный презрения и высокомерия взгляд.

11. Эдикту быть

У Анна де Монморанси в голове не укладывалось, как король мог позволить присутствовать на такой встрече главному капитану пикинеров. Это произвол в некотором смысле. Впрочем, общеизвестно, как мастерски и с каким огромным рвением Полиньяк провел расследование убийства дофина Франции, – с того дня государь, не поговорив с ним, не отваживался и шагу ступить.

За верную службу монарх произвел Полиньяка сразу из капитана в главные капитаны королевских пикинеров. Вот вам, пожалуйста, и объяснение, откуда столько апломба в этом человеке!

Ходили слухи, что Полиньяк ни много ни мало второй по влиянию на Франциска I после его фаворитки мадам д'Этамп.

И этим все сказано.

Как бы то ни было, Монморанси абсолютно не собирался отказываться от собственной роли. Будучи маршалом Франции, он, конечно же, был старшим по званию.

Король пригласил Монморанси к себе во дворец из-за «дела о листовках»¹¹, чтобы посоветоваться с ним и Полиньяком, как поступить. Не то чтобы случай был новостью, нет, скорее, дело прошлое. Только вот теперь почти во всех городах Франции, словно пламя на ветру, разгорались новые вспышки ереси. При такой стремительности не случится бы пожара.

Анн имел ясное представление относительно подобных вещей и, войдя, тут же, не теряя времени на предварительное вступление, четко изложил, как, по его мнению, надлежит действовать.

– Ваше величество, – начал он с наскока, – случай с манифестами – насколько досадный, настолько и вызывающий тревогу. Это очередной удар по католической вере. Предыдущий уже выставил нас в неприглядном свете перед папой, а сейчас мы отчаянно нуждаемся в его войске и его снисходительности, чтобы одержать победу над Карлом Пятым. Уверен, ждать больше нельзя, необходим ваш эдикт против этих слишком много возомнивших о себе псов. Предупреждаю: они набираются храбрости и дерзости, выпуская свои манифесты и не гнушаясь оскорблениями. Они и все их помыслы должны быть уничтожены в зародыше. Пока не стало слишком поздно.

Франциск I смотрел на Анну с восхищением и уважением. Монморанси был, возможно, самым опытным воином при дворе: на его счету многочисленные победы над войсками Карла V, освобождение Прованса, завоевание Артуа. Полиньяк, конечно, другое дело, он типичный солдат, не более чем хитрый и умный командир, но человек преданный, а этой образцовой

¹¹ «Дело о листовках» – распространение в октябре 1534 года гугенотских листовок во всех крупных городах Франции, которое резко изменило отношение верховной власти к французским протестантам. По преданию, одну из листовок король Франциск I нашел у двери собственной спальни в замке Амбюз.

добродетелью наделены не многие; да ее сыскать настолько трудно, что о ней приходится лишь Бога молить!

Король, величественный, довольно плотный, словно гигант возвышался над призванными на совет опытнейшими воинами; стоял он слегка наклонив голову и внимательно прислушивался – ему не хотелось упустить ни слова.

– А что вы думаете, мой дорогой Полиньяк?

Раймонд задумчиво уставился на короля, затем не удержался, посмотрел на маршала Франции и в ответ получил холодный молниеносный взгляд. Прозрачно-голубые глаза Монморанси светились, как озера в горах. Рыжая редкая борода лишь подчеркивала резкие черты костистого лица Анна, – казалось, прославленный скульптор по дереву задался целью выточить образ величайшего воина всех времен и народов и в том преуспел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.